

Читайте:

4 Николай ПЕРОВСКИЙ:
Водные процедуры	20 Валерий АНИШКИН:
Студент
8 Екатерина ОРЛОВА:
Богу войны - слава!	22 Максим МАЙСКИЙ:
Бедные дети для богатых родителей
10 Владимир САМАРИН:
Трамвайное кольцо	24 Николай ПРОКУДИН:
Охотники за пиратами
18 Ольга АРИСТАРИНА:
Рассказы	26 Елена ГОДЛЕВСКАЯ:
После приговора

Орловское региональное отделение Союза российских писателей,
Департамент образования Орловской области,
областное управление культуры и Среднерусский институт управления
(филиал РАНХиГС) проводят открытый литературный конкурс
«Вернись на родину, душа!»,
посвящённый 150-летию со дня рождения И.А. Бунина

Условия литературного конкурса
опубликованы на сайте:
СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ57.РФ

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д.27, пом. 9

Главный редактор: Е.Н. ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

№04' декабрь 2019
Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: ON-0307@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

16+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ
Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.12.2019 г. Выход в свет: с 01.12.2019 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ №04-НО+03
Цена свободная

«В КАКОЙ СТРАНЕ, В КАКОЕ ВРЕМЯ...»

(о рассказе Н.М. Перовского «Водные процедуры»)

Время неумолимо... С годами и десятилетиями блекнет и меркнет память о прошедшем. Однако не тускнеет истинное Слово, которому «жизнь дана».

В канун 85-летия со дня рождения Н.М. Перовского (1934–2007) отчётливо осознаёшь, что слово писателя было истинным. Без витиеватости и лукавства. Меткое, шероховатое, с привкусом горечи, исходящей из кровотока прошлого и от современности, пропитанной беспомощностью.

Пережитое народом и выстраданное душой вырывалось на страницы книг. Сердце, сполна вкушившее бед и лишений, переполнялось любовью и состраданием ко всему живому. Чистота чувств и мыслей почти размывала грани между реальной действительностью и художественным миром. Случайно встреченный у подвесного моста бомж воспринимался другом и входил в поэзию, а пышно цветущие около стадиона маттиолы становились ночными собеседницами и превращались в героинь сокровенных стихотворных размышлений. Наделённый художественной проникновенностью, поэт стремился уловить точки соприкосновения времён и пространств.

Редеют ряды современников писателя. Однако крупницы его души сохранились в их памятных (ныне уже – поминальных) строках. Воспоминания и посвящения талантливых собратьев по перу – некие ориентиры в безбрежном литературном потоке. Строфы белгородского поэта Сергея Ташкова, посвящённые Н.М. Перовскому, высвечивают сущность жизни и творчества мастера-учителя:

*Пускай весь мир куёт свою монету
и кормит прах, вкушая сладких яств!
Известно только Богу и поэту,
что нищета богаче всех богатств.*

*Твори, поэт, и в нищенстве суровом,
ведь сам Господь вне света до поры,
располагал вначале только словом –
и сотворил бесчётные миры!*

Перовский-прозаик менее известен читателю. В «Приокском книжном издательстве» вышли две его книги – «Дорога к дому» (1983) и «Стоит гора высокая» (1991). В посмертное (составленное самим автором) издание «Журавли не только улетают...» (2009), наряду с воспоминаниями, вошли повести и рассказы. Отдельные произведения печатались в периодике. В личном архиве писателя хранятся прозаические страницы, ждущие своего публикатора и читателя. «Водные процедуры» – одно из «возвращённых» произведений. Машинописная копия хранит живой творческий порыв – авторскую правку отдельных слов и строк.

В рассказе изображён «случай из жизни», очевидцем которого оказался писатель. В 1980 году Н.М. Перовский вместе с женой Лидией Ивановной отдыхал в ялтинском Доме творчества имени А.П. Чехова. По воспоминаниям Л.И. Перовской, перед отъездом на море семья переехала на другую квартиру – в дом на улице имени И.С. Тургенева. На грузовике перевезли вещи и, не успев их расставить, уехали в Ялту. Памятные экскурсии по побережью, прогулки по городу и его окрестностям, посещения музеев, театра, Большого концертного зала... Встречи с именитыми и малоизвестными писателями, приехавшими из разных уголков страны: Алексеем Арбузовым, Сергеем Островым, Миколасом Слущисом, Николаем Зиновьевым, Николаем Шумаковым... Сохранились фотографии тех светлых лет. Написанное на черноморском побережье стихотворение «Ялта», начиная с книги «В пути» (Тула, 1986), входило почти во все последующие издания.

Однажды, прогуливаясь по ялтинской набережной, Перовские стали свидетелями описанного в рассказе случая. Эта неожиданная ситуация оказалась прикосновением к сокровенным глубинам души писателя, таящей неутраченную боль по бесследно исчез-

нувшим родителям, детдомовские будни, бесприютную юность... Произведение вобрало жизненный опыт автора: работа в Воркуте и общение с бывшими лагерниками, знание московского «коммунального» быта, ощущение пульса курортного города...

Рассказ раскрывает трагедию советской (московской) семьи, счастье которой оказалось разбитым не в роковые тридцатые годы, а в послевоенное время, пропитанное идейной суровостью. Сюжет осложнён двумя линиями: «мужской» (репрессирован офицер, бывший раненый окруженец) и «женской» (судьба его жены, оставшейся с двумя малолетними детьми). Автор напоминает о социальном клейме «чесеир» (член семьи изменника родины), которым отмечали родственников репрессированного.

Социально острой и напряжённой является «мужская» линия, включающая два основных конфликта. Первое столкновение охранника и заключённого происходит в исправительно-трудовом лагере (проявляется немотивированная жестокость надзирателя, прострелившего ладонь безвинного офицера-арестанта). Ответ этого события пробивается через несколько десятилетий: на ялтинском пляже бывший лагерник опознал охранника-зверя. В скандальную ситуацию вмешивается милиция. При разбирательстве оказывается, что лагерный изувер наделён правами ветерана войны и труда. Эту ситуацию с трагической иронией объясняет герой с прострелянной рукой: «Воевал [охранник] с такими, как я».

Рассказ написан мастером-реалистом, владеющим искусством художественной детализации (наколка на груди охранника, прядь волос пловчихи...) и речевой характеристики. Автор вводит в текст «метеорологические ассоциации», характерные для литературы периода «оттепели» (при этом социально-историческая ситуация соотносится с явлениями или состояниями природы): море после затихшего шторма, редкостное и резкое похолодание. Примечательно, что в архиве писателя сохранился второй («облегчённый») вариант рассказа, исключая остроту «мужской» сюжетной линии. В новую редакцию автор, исправляя первоначальный текст, внёс отдельные исправления и дополнения.

Творческий замысел («нерв») «Водных процедур» связан с проблемой восстановления социальной справедливости. К концу XX-го столетия преступления кровавой эпохи оказались раскрытыми не во всей полноте и глубине. Народ, захлёстнутый волнами репрессий и надорванный нагрянувшей войной, не осмыслил роковые последствия трагедии. Важной в тексте является массовая сцена (ветераны на пляже), раскрывающая равнодушные бывших солдат и офицеров. Отсюда всплеск негодования автора, изображавшего «бесформенные фигуры» «гладких» людей. Слова одной из героинь рассказа: «Вы <...> должны понимать, в какой стране и в какое время живёте», – оставались и остаются актуальными. Спасение от прежних и нынешних невзгод герои произведения видят в укреплении своих телесных и душевных сил. Вода (образ, вынесенный в заглавие) является источником здоровья и внутреннего очищения. «Что ж, пора принимать водные процедуры» – это последняя фраза завершает кольцевое обрамление текста.

Отчётливо мотив очищения раскрывается в стихотворении «Ялта». В творческих поисках писатель приблизился к глубинным духовно-нравственным истокам народной жизни. Это один из признаков истинности художественного Слова.

*А море по привычке
Смывает грязь и ложь,
И никакой отмычки
К нему не подберёшь.
.....
Играем в мелодраме
Повсюду и везде,
Прижатые горами
К распахнутой воде...*

Николай ПЕРОВСКИЙ

ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

В начале июня наступило редкостное для Ялты похолодание. В горах выпал снег. На набережной языко подрагивали веерными листочками пальмы, но часам к одиннадцати солнце освобождалось от облаков, где-нибудь в затишье можно было погреться. Больные и отдыхающие кутались в кофты и плащи, да и немного было гуляющих. И только на ветеранском пляже вылёживались гладкие, похожие на каких-то морских животных, лоснящиеся от жира люди.

Светлана Алексеевна Маликова, тридцатидвухлетняя москвичка, чей срок в санатории заканчивался через неделю, грустно смотрела на море, покрытое барашками после загибающего шторма. Переводя взгляд на ветеранов, она покачивала головой: неужели эти люди с бесформенными фигурами, эти горы мяса и сала были когда-то молодыми, стройными солдатами и офицерами?! Лёгкие, стремительные, способные на страсть в любви и на подвиг в бою! Осуждать было бы смешно и несправедливо – время, время.

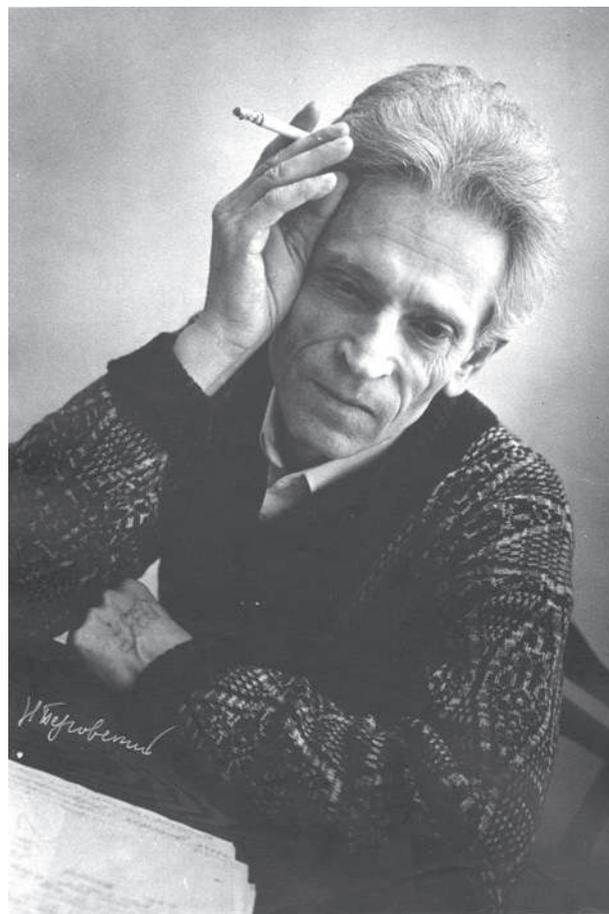
Три женщины, видимо, жёны ветеранов, стояли у кромки воды с явным желанием искупаться. А ведь дикторша только что объявила: «Товарищи больные и отдыхающие! В связи с резким похолоданием, будьте осторожны, не заплывайте далеко в море, не переохлаждайте свой организм!».

Минут десять назад Светлана Алексеевна проходила мимо лечебного пляжа и видела на специальном щите температурные данные: воздуха – семь градусов, воды – шесть. А этим женщинам, выходит, хоть бы что! Две моржихи были полными, с оплывшими фигурами, третья выглядела значительно моложе, из-под резиновой шапочки выбивались пряди крашенных хной волос. Чем-то она напоминала гимнастку.

Перед тем, как войти в воду, эта третья помахала рукой и улыбнулась невысокому лысоватому мужчине, а он, приподнявшись на локти, также улыбнулся, показав ряд стальных зубов. Светлана Алексеевна подумала, что так улыбаться могут люди, не утратившие свежего чувства или глубоко привязанные друг к другу. Вот «гимнастка» подошла к воде, поплескалась, окунулась с головой и поплыла в направлении буйков. Две другие женщины брызгались, визжали, стоя в воде по щиколотку, потом присели по грудь и, хоча и ойкая, побежали к кабинкам переодеваться.

Третья плыла уже далеко, приковывая к себе внимание всех, кто был на пляже и на набережной. Трое пожилых седобородых мужчин в пёстрых халатах и тубетейках цокали языками и посмеивались. Даже привычная ко всему девушка-фотограф со своим стендом, облокотясь о парасет, рассеянно наблюдала за пловчихой. Та напоминала дельфина или тюленя. Со стороны казалось, что она полностью отдаётся стихии волн, то поднимаясь на гребень, то опускаясь в котловину.

– Да, с такой бабой не пропадёшь! – услышала Светлана Алексеевна слова одного из ветеранов, ничем не отличимого от своих соседей. Ему что-то негромко ответил другой. Этот резко отличался от других: был совершенно безбров, а на груди у него во всю немалую ширину красовались выколотые мужчина и женщина. Когда безбровый разводил руки в стороны, выколотые отводили головы, а когда он сводил руки к груди, красавчики целовались. Наверно, этот исколотый сказал что-то нехорошее, отчего соседи

хмыкнули и отвернулись. И вдруг пляж и набережная стали свидетелями внезапного зрелища. Муж «гимнастки», услышав голос исколотого, привстал на колени, взгляделся в его лицо и тут же с каким-то рычанием бросился на него. Но тот был слишком громоздок и силен, он просто отвёл в сторону правую руку, разъединив целующихся, и его противник упал на песок.

– Это ты! Я узнал тебя, гадина! Я узнал!.. – вскричал невысокий и опять бросился на исколотого, на этот раз в руках у нападающего был зонтик с острым шпилем на конце. Но ткнуть в лицо безбровому не удалось, – тот быстро одевался, вопреки своим габаритам, и снова легко отмахнулся от противника. Ветераны повставали – кто на корточки, кто на колени, но когда муж пловчихи заговорил быстрым хрипящим голосом, показывая при этом на свою правую ладонь, некоторые равнодушно вскидывали брови, иные же ложились лицом вниз, чтобы ничего не видеть, и только один, с густым ёжиком, спешно натягивал брюки. Собравшись, он присоединился к мужу пловчихи, которая уже что-то заметила и быстро, мужскими саженками приближалась к берегу.

В это время её муж со своим напарником устремились вслед за исколотым.

– Мало ли что в жизни бывает, – сказал один из толстяков-ветеранов.

– Подумаешь, руку ему прострелили! А ты не сдавайся в плен, не попадай в лагерь! – заявил другой.

– Столько лет прошло, – неуверенно протянул третий, – может, это вовсе и не тот человек...

Но все эти люди старательно отводили глаза друг от друга.

На набережной показался милиционер и один из седобородых стариков в тубетейке быстро заговорил, держа его за рукав кителя и кивая головой в сторону, куда скрылись безбровый и его преследователи.

– Серижант, тым плохой чалвек... Его догоняй два хороший чалвек... Иди – давай, помогай – давай!..

– Чего ты, дед, дёргаешь меня, я тебя всё равно не понимаю, – усмехался бравый милиционер, но узбек или таджик, рассердившись, закричал:

– Зачем виремя тирияишь?! Зачем говоришь гылуности?!

Сержант, надвинув на лоб фуражку, трусцой направился в сторону, куда ему указали. И тут же пробежала пловчиха. Босиком, держа в руке босоножки. Светлана Алексеевна увидела её напряжённое и сразу постаревшее лицо. Настоящая женская напасть – рано стареющая шея...

Минут через пятнадцать два милиционера, давешний сержант и ещё один постарше, повели в отделение группу людей: исколотого, мужа пловчихи и его товарища по преследованию. Женщина шла рядом с мужем.

– Родной мой, успокойся... Сейчас всё выяснится... Всё будет хорошо!

– Нет, Вера, ты не понимаешь... Это он, он! Ты не представляешь – у него документы ветерана войны... Это, это... Эта вертухайская морда!..

Они скрылись, но на пляже ещё продолжалось обсуждение происшедшего. Одни говорили, что невысокий муж пловчихи узнал в исколотою своего лагерного надзирателя, охранника. Другие утверждали, что тот не надзиратель, а дезертир...

Один ветеран, выслушав все версии, сказал:

– Всё это чепуха... Этот самый, который муж... он сидел на Севере после плена или там окружения, не знаю... а тот, с наколками, был охранником... ну и этот бросился за окурком в сторону, а тот выстрелил... видели – ладонь...

– Так эти самые охранники, выходит, такие же ветераны, как и мы?! – спросил кто-то удивлённым голосом.

– Выходит, – ответили ему.

Светлана Алексеевна никак не могла успокоиться. Она родилась после войны и ни о чём таком и не слыхивала.

Она пошла в кафе на набережной, заказала пирожное и чашку кофе, потом, прогулявшись, присела на скамейку недалеко от «Ореанды», рядом со шхунной-рестораном. И вдруг услышала негромкий голос:

– Простите, у вас свободно?

– Да, да, пожалуйста...

Это была пловчиха. У неё ещё не установилось дыхание, глаза были припухшими от слёз. Светлана Алексеевна зачем-то отодвинулась на самый краешек скамьи.

– Что вы, что вы, не беспокойтесь, – улыбнулась ей женщина и вытащила из плетёной сумочки вязанье.

У Светланы Алексеевны началось сердцебиение – так она разволновалась. Она пыталась успокоиться, взглядываясь в даль, туда, где на досках с парусом скользили по успокоившемуся морю спортсмены.

– Простите, пожалуйста, – заговорила она неожиданно для себя. – Я стояла там, на набережной и всё видела. Но если вам неприятно...

Её соседка вздохнула и улыбнулась грустно:

– Нет, нет, что вы..., – снова замолчала, хмурясь и оглядываясь по сторонам.

И тогда Светлана Алексеевна, чтобы только прервать неудобное молчание, стала быстро-быстро рассказывать о себе. О том, что она москвичка, учительница... около двух часов уходит ежедневно на дорогу... Домашние дела... А ведь и муж учитель, завуч по воспитательной работе. Правда, он в другой школе, но это ещё хуже... Дочка-шестиклассница – тоже в другой, вернее, уже третьей школе... Всё вразной... В общем, нервишки – никуда, чуть что – перебои, малейший сквознячок – ангина...

– Простите, я не назвалась – Светлана Алексеевна...

– Очень приятно, – Вера Сергеевна...

– Я вот смотрела, как вы купались, и просто завидовала. Вы такая закалённая, прямо моржиха!

– Так уж получилось... Можно сказать, что я вынуждена была закалиться... Нет, вы посмотрите, какая красота!

С юго-запада, постепенно нарастая, приближался большой белый пароход.

– Вы говорите, моржиха... Тут не то, что моржихой, не знаю

кем станешь... Вот вы стояли на набережной... Видели, как муж встретил своего бывшего истязателя... охранника, который прострелил ему ладонь... Он сразу узнал его по голосу и по этой наколке. Видел однажды, как тот обтирался снегом, – понимаете, они тоже закалялись! Муж тогда попросил у него закурить, а тот прикурил папиросу, отбросил её в сторону и кивком головы указал на неё мужу, – разрешил, понимаете, разрешил... но когда муж сделал шаг в сторону, охранник выстрелил...

Она не могла говорить, всхлипывая и прикрывая лицо руками. Успокоившись, продолжала:

– Конечно, это редкая случайность, то, что муж его встретил, но вы только подумайте, теперь этот мерзавец – такой же ветеран, как и мой муж!

– Да! – подхватила Светлана Алексеевна, – меня просто поразило, как равнодушно все эти ветераны отнеслись к происшествию... Казалось бы, они должны возмутиться или уж не знаю, что...

– Да, вы правы, – грустно согласилась Вера Сергеевна и, помолчав, продолжила. – Жили мы тогда с мамой... тогда – это в сорок седьмом году... Да, жили мы на Можайском шоссе. Папа погиб в сорок втором под Сталинградом. Сразу после школы я подала документы и поступила в Институт народного хозяйства имени Плеханова. А тогда, вы, конечно, не можете этого знать, – продуктовые карточки, толкучки; буханка хлеба – дороже крепдешинового платья, вот и живи! Мама работала нянечкой в Первой Градской больнице, заработок небольшой, и моя стипендия была очень кстати.

Предметом всех мечтаний был, конечно, мужчина, – ну, вы понимаете, – Вера Сергеевна улыбнулась, но тут же нахмурилась и оглянулась по сторонам. – Что они так долго выясняют?! Неужели его отпустят, этого мерзавца?! Да, так вот... Тогда принято было ходить в Дом офицеров. Там я и познакомилась со своим старшим лейтенантом, да, да, с этим самым...

– Улыбка у него хорошая, – вставила Светлана Алексеевна.

– Говорите, улыбка? Может быть, и это... А может быть, и что-то другое. Простота... Тогда некоторые офицеры набивали себе цену, а этот нет... Словом, через месяц мы расписались, и он забрал меня в Сокольники. Тоже в коммуналку... Четыре семьи, – ну, обычное дело в те годы. Не могу сказать, что я прямо-таки любила мужа... но после рождения первого ребёнка, сына, он стал мне дорог, дальше – больше... Ну, вы сами знаете, как это бывает... Но жизнь моя сложилась не очень удачно с самого начала. Свекровь потеряла на войне мужа и младшего сына – и превратилась в богомолку. Теснотища у нас – комнатуха и какой-то предбанник, а тут постоянные старухи в чёрном, шёпот, молитвенники... Не успела поставить на ноги сына, на тебе – ещё ребёнок, дочка... И если с мальчиком всё было нормально, то второй ребёнок отказывался от груди, приходилось сдаивать, пошли болячки...

Ох, а какво было доставать каждый раз бутылочку свежего молока! Ну, это взял на себя Саша, несмотря на то, что ему-то всегда в одно время на службу... А свекровь... я уж сказала, что ей в те времена до внуков и дела никакого не было. Куда там! Бывало, заикнусь, вы бы, мол, мама, приглядели за детьми, пока я схожу на базар или в магазин, – что вы! Тут тебе и «бесстыдница» и «наплодила, так выхаживай»... До сих нор не пойму, как это у неё уживалось с Богом, с милосердием...

В квартире, как я сказала, было четыре семьи. Все, кроме нас (вернее, кроме меня), сжились, притёрлись, если и поссорятся, то быстро помиряются. А тут чужая женщина да с двумя детишками, – у соседей к тому времени маленьких не было. Паровозный машинист с дочкой двенадцати лет, у которого жена частенько прихварывала, – где-то они побывали на трудовом фронте за Уралом, жили в холоде, в голоде, и вот у этой женщины начался процесс в лёгких. Ещё жила одинокая старушка, потерявшая на войне последнего сына, добрая, блаженная, не в себе, но что-то наши богомолки никак с нею не дружились... Да две сестры Туся и Муся девятнадцати и двадцати трёх лет, здоровые, крепкие, но

бездумные. Девочка или больная жена машиниста, даже несчастная блаженная старушка помогали иногда приглядеть за детьми, но эти... Конечно, их можно понять, если по-женски: росли вместе с моим мужем, учились в школе, – что говорить! – ждали его с фронта и вот на тебе! – привёл чужачку... Им ничего не стоило пройти при нём в одной рубашке или задеть его плечом... Старшая, Муся, работала буфетчицей на Савёловском, где-то на стороне у неё были мужчины, а вот замуж не брали. Стою я над своим примусом, помешиваю в кастрюльке манную кашу, а они поджаривают на сковородке яичницу с салом или нарочно вынесут и поставят на общий стол банку икры... Конечно, у Саши был паёк, да нас-то пятеро... Институт я оставила, куда там! Спустила семь лет поступила заочно и закончила. А тогда – забегалась, издёргалась... Вот как вы рассказываете, всё тело болит, каждая жилочка, каждый нерв. Свекровь поняла, что прямой атакой ничего не добьёшься, и переменяла тактику: при муже спокойная, даже заботливая, а стоит ему выйти за порог – она змея змеёй... Да и я научилась: она в церковь, и давай я жаловаться мужу, плакаться, высказывать обиды... Я, говорю, света белого не вижу с твоими детьми, а твоя мамаша... Видите, уже и дети его... Приплетёшь, чего и не было, накричишься, наплачешься, вроде и полечает... Даже потребность такая появилась – плакаться, истязать себя, жалеть...

Однажды муж сказал мне по секрету, что ему обещают квартиру, – как только получит новое звание. Говорят, что у людей бывает предчувствие беды, – у меня не было. Сын мой к весне выздоровел, и я с детьми ходила гулять в Сокольнический парк. Но не прошло и месяца с того дня, как муж сказал о квартире, а беда уже вот она... Дело в том, что в самом начале войны дивизия, в которой служил муж, не служил, а воевал, конечно, – попала в окружение... Да разве только их дивизия! Это был сорок первый... Мужу ещё повезло, они вышли из окружения, он был дважды ранен и попал в госпиталь, – наверно, из-за ранений его и оставили до поры в покое, но галочку кто-то где-то поставил, и вот...

Вера Сергеевна, отвернувшись, всхлипывала...

Большой белый пароход под названием «Викинг» пришвартовался, и на набережной появились празднично одетые иностранные туристы. Некоторых тут же облепили стайки молодёжи...

– Нет, вы только подумайте, как обнаглели, они уже и милиции не боятся, никакого стыда, никакой гордости... Кто же нас будет уважать?

Милиции поблизости не было видно, а может, кто и был, но как фонащикам поработать...

– И тут круто переменялась моя свекровь, – продолжала Вера Сергеевна. – Она внезапно превратилась в любящую бабушку. Куда и подевались все её монашки или кто они там были... Мы узнали, что муж получил десять лет лагерей, что он в Воркуте, «даёт стране угля» или, как у них говорили, «греет усагого»...

Нужно было как-то ему помогать, отправлять посылки, но что мы могли две домохозяйки? На чёрный день у нас ничего не было. Самое ужасное в тогдашнем быту – анкеты, надо было заполнять бесконечные графы этого страшного опроса, а я была теперь «чесеир» – член семьи изменника родины. Меня спасла одна благородная женщина, спасла в самом прямом смысле. У неё вторично посадили мужа, – первый срок он отбывал с тридцать восьмого как троцкист, но в начале войны попал в штрафбат, там отличился, стал старшим лейтенантом, форсировал Днепр, был представлен к высшей награде, но ему не только не дали Героя... его забрали досиживать срок. Это так только говорилось «досиживать», чаще всего им давали новые полновесные сроки...

Так вот эта женщина, такая, знаете, птичка-невеличка, бывший музейный работник, при первом же знакомстве обругала меня и пристыдила: «Не смей рыдать и вешать нос! Завтра же принятая за комплекс упражнений по Мюллеру и обязательно водные процедуры... Вы, милочка, должны понимать, в какой стране и в какое время живёте... Слабость для нас – невозволи-

тельная роскошь... У меня самой трое детей, только постарше ваших... Подождите, я вам ещё устрою переписку с мужем!».

Наверно, сам Господь Бог послал мне эту спасительницу! Для начала она помогла мне сдать в ломбард единственную вещь, которую можно было туда отнести, – габардиновый плащ, подарок мужа к свадьбе... Я пыталась устроиться секретарём-машинисткой, ткачихой, даже дворничихой, ничего не вышло – анкета! Уж не знаю, каким образом моя мама вымолила для меня место посудомойки в больнице, в той же Первой Градской. Заработок мизерный, но сама я там питалась и что-то могла принести детям. Деньги полностью шли на посылки мужу.

Та же Евгения Фёдоровна приволокла все тряпки, из которых повыврастали её дети – у неё были две девочки и мальчик. Сама же она и перешивала это на моих.

В пятидесятом ко мне впервые пришёл человек «оттуда». Это опять-таки устроила моя благодетельница, конечно, через десятые руки. Дома у неё хранилась секретная карта лагерей, – того, что потом было названо ГУЛАГом. Там было от руки написано, куда и каким транспортом добираться и даже – средняя температура января и июля.

Человек «оттуда» был в обычном одеянии – дорогой шевиотовый костюм, галстук – и до моего несчастья вряд ли я бы нашла в нём что-то особенное. Теперь бы сразу заметила привычку оглядываться по сторонам и какую-то рассеянность что ли... Потом всё это я замечала и у мужа.

На клочке бумаги было нацарапано химическим карандашом всего четыре строчки. Муж писал, что всё у него нормально, работает в шахте, что у них там «зачёты», то есть при определённых условиях день засчитывается за два, а то и за три, и что он скоро должен освободиться. Я пыталась выспросить хоть какие-нибудь подробности, но посыльный в ответ только улыбнулся и тихонько сказал:

– Зачем вам это, лучше знать поменьше...

– А как их там кормят?

– Чтобы скотина работала, её надо подкармливать, в общем, жить можно.

Но вот прошло время, умер Сталин, расстреляли Берия. До нас дошли слухи, что многих освобождают, дела пересматриваются...

Так!!! Простите, вот и он! Саша, я здесь. Саша!..

Муж Веры Сергеевны, широко улыбаясь, приближался к ним.

– Что же ты так долго?! А как с этим, задержали его? Нет?! Но почему, почему?! Ах, я и забыла, вот познакомься, это моя новая знакомая, мы тут как раз беседовали...

– Очень приятно, – как-то автоматически ответил он, протягивая Светлане Алексеевне крепкую ладонь, ту самую, простреленную.

– Вы, пожалуйста, извините, но мне пора идти, я случайно...

– Что вы, что вы, не смущайтесь, – успокоила её Вера Сергеевна и тут же повернулась к мужу:

– Но я не понимаю, как его могли отпустить?! Разве что ты ошибся, и это не он...

– Он, он... К сожалению, это он... Ветеран войны и труда... Так сказать, заслуженный человек...

– Он что же воевал или... не понимаю?!

– Воевал с такими, как я, – невесело усмехнулся лысоватый человек, вытирая платочком испарину. При этом рука его дрожала...

Светлана Алексеевна не могла осилить всё, чему стала свидетельницей и что услышала, слишком это не вписывалось в яркий ялтинский пейзаж, гуляющих по набережной людей...

Прекрасный, громадный белый пароход «Викинг», солнечное зайчики, скользящие под парусом спортсмены...

– Что ж, пора принимать водные процедуры, – надтреснутым голосом произнёс муж Веры Сергеевны, и Светлана Алексеевна, чувствуя себя лишней, поспешила откланяться...

Публикация Л.И. Перовской

Богу войны – слава!

19 ноября – День ракетных войск и артиллерии. В этот день в орловском сквере Артиллеристов, который родился в 2015 году благодаря усилиям Орловского Союза журналистов, собрались люди, для которых этот праздник имеет историческое и личное значение. Родственники артиллеристов, воевавших на нашей земле, рассказали молодым людям – студентам Среднерусского института управления (филиал РАНХиГС) – о том, как важно чтить и помнить павших героев. Ведь не было бы их – не родились бы и многие из нас, ныне живущих. Поэтому жертвы солдат Великой Отечественной войны не были напрасными. А наш долг – сохранять славные традиции и передавать их последующим поколениям.

Это касается и городских властей, которые, чего греха таить, упустили из виду, что сквер нуждается в более пристальном внимании и требует не только текущего ремонта, но и основательной реконструкции, потому что ещё четыре года назад чиновники клятвенно обещали вслед за торжественным открытием мемориала приступить ко второй очереди строительства. Странно, что место в центре города встречает горожан и гостей Орла разбитыми фонарями, отсутствием подсветки и камер видеонаблюдения, обветшавшими лестницами и провалившейся плиткой.

А ведь до 75-летнего юбилея Великой Победы, как говорится, рукой подать. Не стыдно?

Екатерина ОРЛОВА

Фото Леонида Тучнина

Владимир САМАРИН

ТРАМВАЙНОЕ КОЛЬЦО

(Продолжение. Начало в № 03)

Александр Иванович слово сдержал: за внедрение передовых приёмов обслуживания пассажиров Варваре Николаевне была начислена невиданная для рядового кондуктора премия – десять тысяч рублей. Вигунов пояснил:

– Здесь пять ваших, а другие пять – Евдокии Николаевны. Ко Дню Конституции. Но чтобы девочка не мёрзла, я распорядился выдать премию загодя. Дублёнку не дублёнку, а шубку из искусственного меха приобрести можно. На торжественном вечере вручу в конверте и открытку с поздравлением.

– Спасибо, Александр Иванович, – Варвара Николаевна не знала, как ещё можно отблагодарить доброго человека: она стояла перед начальником, повесив голову, словно нашкодившая девчонка-пятиклассница.

Вигунов между тем извлёк из дипломата крокодиловой кожи перевязанную розовой лентой коробку-упаковку.

– Вчера тебя в трамвае видели с белыми цветами. Я справился в канцелярии – оказалось, что был твой день рождения. Двадцать пять лет – возраст замечательный...

Варвара Николаевна не знала дня своего рождения: в паспорт заглянула один раз – в день получения. Она давно вписала себя в разряд престарелых, а получается, что у неё совсем наоборот – «возраст замечательный»...

Возвращалась Варвара Николаевна домой пешком: чтобы и другие люди увидели – идёт счастливая женщина!

Дома – ещё один приятный сюрприз: Дуняшка вынесла навстречу вешалку, облачённую в новенькую кондукторскую форму.

– Варя, это тебе из ТУ привезли. Сказали, что ударнику-кондуктору положено достойное одеяние! Ты вообще теперь конфеткой будешь. Примерь!

– Потом, к весне ближе... – Варваре Николаевне не хотелось вот так, запросто, расставаться с работягой-ватником: вешая на гвоздь, даже погладила его незаметно для Дуняшки.

– Завтра пойдём в промтоварный шубку смотреть. За-

работали мы с тобой денежек на трамвайном ударничестве!

От слов старшей сестры радостью блеснули глаза Дуняшки. Весело добавила:

– Какие мы счастливые!

С мастером-скорняком Буратовым Дашенька нос к носу столкнулась у входных дверей в училище.

– Здравствуйте, Иван Семёнович!

– Здравствуй, белочка-беглянка. Не ускакала бы из моего отделения – давно бы лису, а то и куницу на голове носила. Теперь что? Уже морозит, а ты, как старушка деревенская, в старый платок кутаешься – только нос торчит.

– Из портных я тоже убегу.

– Чего это?

– Пойду на трамвай добровольцем... Вагоновожатыми, кондукторами люди работать не хотят. Платят женщинам мало, а пассажиры им нервы портят.

– Так зачем ты туда собираешься?

– С людьми интересно.

– А ты, значит, как раньше в комсомоле, – добровольцем?

– Да нет. На маршруте «Текмаш – Кирпичный завод» моя сестра Варя работает. Вдвоём будет веселее.

Иван Семёнович подвигал пальцем кончик носа вправо-влево. Так делал всегда, когда думал-раздумывал. Потом притянул Дуняшку за локоток к себе поближе. Посоветовал:

– Не спеши из училища убежать до срока, пока тебе шапку сошью...

– Что вы, Иван Семёнович! Мне Варя довязывает колпачок с помпоном из чёрной шерсти. Ползарплаты за три мотка отдала...

– Дык я уже почти закончил...

– Спасибо, Иван Семёнович!

После Нового года к трамваю Варвары Николаевны прицепили второй вагон. На беседы с народом времени совсем не осталось. Всю смену звучало, как в телеграфе: «Привет!». «Наше вам!». «Один без сдачи!».

Работы прибавилось вдвое, зарплаты – на одну десятую. После смены ноги от усталости немели: метаясь из вагона в вагон, километров десять наматываешь. Варвара Николаевна крепилась, не ныла. Тогда Вигунов предложил прицепить ещё один вагон и удвоить зарплату.

– Не выгодно: полупустой трамвай будет, – резонно возразила Варвара Николаевна.

– Зато я тебя общественной работой нагружу. В партию готовить будем...

Варвара Николаевна прыснула сдавленным смехом и быстро прикрыла лицо ладонями.

Вигунов решил больше не висеть над душой Варвары Николаевны: вспомнил, что и сам попал в зюгановскую организацию по наставлению мэра города.

По-зимнему было ещё совсем темно, маленькая стрелка часов приближалась к цифре десять. Палеха, не закончив к этому времени обход слободы Орличной, решил погреться в трамвае.

Остановка «Вторая школа», как и большинство других на рабочей окраине, не обозначалась павильоном или навесом, тем более – лавочкой. Болтавшуюся на проводе табличку – крохотную жестянку – с буквой «Т» увидеть и днём было трудно. Хорошо, что двухэтажка из красного кирпича дореволюционного замеса крупно выделяется из полосы частных домов. Здесь и тормозит трамвай.

Палеха расстегнул свисающий с плеча планшет, извлёк из него несколько листов бумаги, а из кармана – моток клейкой ленты. Оглядев окружающее пространство, он выделил из него фонарный столб, с которого скудно испускала свет маленькая лампочка в полуразбитом плафоне. И вот лист бумаги прижат обрезками клейкой ленты к столбу: печатного текста не разобрать в полутьме, зато заголовок набран жирным высотой в дюйм шрифтом: «Голосуйте за посланца народа Горячева Пантелеймона Исидоровича!». Ниже была фотография, не различимая под жиденьким светом.

Несмотря на это, Палеха, отойдя на пять-шесть шагов, произнёс с чувством:

– Красиво!

Подошёл старичок в пыжиковой шапке. Водрузил на нос очки. Повёл пальцем по заголовку.

– Опять еврея выдвигают! – сердито, словно выплюнул он. – А кто разрешал тебе, мил-человек, на ведомственных электроопорах агитацию делать? Демократия, скажешь?

Палехе захотелось послать старичка «в пыжике» по известному в России адресу, но подкатил ожидаемый второй номер.

Палеха поудобнее расположился на сиденье против места кондуктора. Хозяйка трамвайного салона бросила на него равнодушный взгляд, но никаких иных движений совершать не собиралась: мирно беседовала с вагоновожатой о делах земных и небесных.

Где-то под крышей вагона захрипел динамик. Сквозь этот хрип Палеха едва разобрал слова: «Граждане пассажиры! Приобретайте билеты на остановках у водителя трамвая!».

Палехе не хотелось тащиться к водительской кабинке: нашагал за вечер километров пять. Тем более что до остановки было ещё далеко. А пока он решил прикрепить предвыборную листовку к окну вагона. Когда кондукторша полностью перенесла своё внимание на собеседницу, Палеха дело завершил и пересел на два ряда назад.

Трамвай начинал сбавлять ход, и в динамике неразборчиво прохрипело название остановки. Палеха отыскал жёлтую монету-десятирублёвку и двинулся к кабине вагоновожатой. Кондукторша протянула руку для получения денег, но уж очень долго взирала на вручённую Палехой монету.

– Вы телевизор внимательно смотрите? – поинтересовалась.

– Не всегда.

– Это заметно. С нынешнего дня за билет надо платить пятнадцать, а не семь рублей.

– А жена дала мне только десять...

Палеха говорил правду: деньги на все его расходы выделяла супруга, выполнявшая роль семейного банкира. Если кто-либо просил у Палехи взаймы, он гордо отвечал:

– Я живу без копейки в кармане, как при коммунизме. Но вам завтра деньги принесу.

«Правильная у него жена», – оценила кондукторша; монету она положила в карман своего «дутого пальто» и помягчала:

– Ехай без билета!

На Посадской было что-то вроде узловой остановки. За минуту вагон заполнили люди с сумками, корзинами, у кого-то в мешке верещал поросёнок. Против ввалившейся с рынка массы кондукторша выстоять не могла: неохотно двинулась по тесному проходу. Добравшись до своего служебного сиденья, расположилась в нём уютно и надолго; только прокричала в обе стороны:

– Передавайте деньги за проезд!

Денежный ручеёк потёк не густо, а вскоре и совсем иссяк.

Пришлось чуть не каждому напоминать о важности оплаты проезда. Особо строгое замечание сделала женщине с поросёнком:

– Вы даже одного билета не приобрели, а следует оплатить и проезд домашнего животного!

Когда переезжали Красный мост, кондукторша примостилась отдохнуть на служебное сиденье; повернулась к окну – посмотреть на покрывающуюся тоненьким ледком Оку. Однако часть пейзажа ограничивал прикреплённый к стеклу лист бумаги. Что это? «Голосуйте... посланца Пантелеймона...». Вслух кондукторша возмущаться не стала, лишь подумала про себя: «И чего этому Пантелею надо? У нас ведь Портяников есть...».

Первую реакцию на вывешенное объявление Палеха услышал при повороте трамвая на Старо-Московскую.

– А Горячев это кто?

– Бюрократ либо охламон какой-нибудь! Все они такие...

– Имя церковное... Из попов, наверное.

– А бороды-то нет.

Палеха не выдержал:

– Что гадаете? Там всё написано!

Подав совет, Палеха двинулся к выходу: на Грузовой он снимал комнатёнку под мастерскую.

Для флейтистки Зины лучшей сценой премьерных выступлений всегда была «двоечка». Первое появление музыкантши в трамвае многим показалось странным, а нарсудье Качановой – возмутительным.

– Вы такая молодая, вместо того, чтобы стать за станок или освоить управление башенным краном...

– А вы, товарищ судья, вместо посадки свёклы и картофеля совершенно бесполезно занялись посадкой людей. А

где урожай? Где, наконец, эффективность вашей процессуальной технологии?

Толик-водолаз умело вставил в диалог метафору – Качанова сразу скуксилась, упёрлась взглядом себе под ноги.

Зина бодро задудела немногим знакомое «Славься, славься, ты, Русь моя!», но всё общество суть победной песни поняло верно: затеплились улыбки, засверкали радостью глаза. Так хорошо стало, что не обратили сначала внимания на возлежащий рядом с исполнительницей раскрытый нараспашку футляр инструмента. На потёртом бархате его в печальном одиночестве покоился не отличающийся блеском полтинник. И когда флейта запела: «Летят перелётные птицы...», а затем «Степь да степь кругом...», со всех сторон в футляр запрыгали монеты. Расстроганный малый в защитном шлеме сварщика положил пятьдесят рублей.

– Спасибо! – прервала мелодию флейтистка. – Но такие деньги надо в дом родной нести...

Сварщик деньги не забрал – после этого люди смотрели на него, как на почётного гражданина города.

Варвара Николаевна дождалась, когда в скатке подойдёт очередь счастливого билета, оторвала и вручила Зине. Денег от флейтистки не приняла.

– За счастье не платят...

В этот раз Зина не вошла, а торжественно вступила в салон. Добрыми глазами оглядела публику, запела:

«Птица счастья завтрашнего дня

прилетела, крыльями звеня.

Выбери меня, выбери меня,

птица счастья завтрашнего дня...».

Она шла по проходу с раскрытым футляром флейты, но вместо инструмента в нём лежала пачка предвыборных листовок. Зина раздавала их налево и направо: выходило, что и песню раздавала всем.

Получив листок, Варвара Николаевна собиралась механически отправить его в служебную сумку, но... фотография! Ей вспомнились сразу лицо и цветы, добрый, но грустный тон голоса. Пантелеймон Исидорович! Павел!

– Во-во д-да-ёт поб-би-рушка! – промышчал облапивший стоек перекладины дядька во хмелю. Кто-то саданул его под ребра, и он послушно промяукал:

– М-молчу, ребята...М-мал-чу-у...

В кабинет директора училища Дуняшку привела мастер-закройщик Абрамова. По дороге предупредила девушку:

– Не упираться: ты девочка умная. Понравишься Андрею Глебовичу – свободное удостоверение дадут. Говори, что многому научилась, и педагогам благодарна. А ему особое спасибо скажи.

– Хорошо, Нина Фёдоровна. Я постараюсь. Это вам спасибо в первую очередь.

Разговор с Дуняшкой Андрей Глебович повёл как с коллегой. Поинтересовался новинками моды, успехами в повышении качества обработки рабочих швов.

– Видел однажды как ты в форменном мундирчике к поворотному кольцу трамвая шествовала. А модель-то наша! Не знаю, почему «Радуга» перестала их шить: одеты сейчас женщины – и водители даже! – кто во что горазд...

– Как я всем благодарна, Андрей Глебович!

– Не хвали. Лучше пей чай – недаром же он на столе. И жамки бери. Мне нравится с жамками.

Андрей Глебович отщипнул кусочек пряника, блюдце с пахнущими мёдом сладостями пододвинул Дуняшке.

– Мы тут решение приняли на педсовете: устрой тебя практикантом в ТТУ на предмет конструирования форменных моделей для работников гортранса. Ты ведь сама в трамвайщицы хотела. Попробуешь жить на колёсах – польза будет. Руки у тебя золотые!

На прощанье Андрей Глебович вручил Дуняшке пачку предвыборных листовок.

– И опять мужчина! – усмехнулась Дуняшка вслух. – Неужели женщин достойных нет?

– Это как раз из вашей слабой половины. Видишь, написано: Абалдаева Нинель Потаповна, директор регионального отделения госуправления «Роспотребраспред».

– Ты не хмурься, – Андрей Глебович успокаивающе хлопал Дуняшку по плечу, – она, наверное, отлично распределяет в сфере, где на высшем уровне потребляют...

Пантелеймон Исидорович проторчал в ожидании трамвая № 2 более получаса: в выходной все МУПы расслабились. Народ тоже отсыпался: кроме Горячева в остановочном павильоне прогуливались, постукивая для сугрева ботинком о ботинок ещё двое мужчин. Уже немного просветлело, и Пантелеймон Исидорович определил, что над павильонной скамейкой прикреплены рядышком три предвыборные агитлистка. Крыша и стеклянный трёхстенок не спасли их от народного гнева: к плакатику Абалдаевой был прикреплён снизу липкой лентой лист с коренным вопросом времени: «А вернёшь нам дешёвую колбасу?». Автор использовал секретный шрифт – рукописание печатными буквами.

Другому претенденту повезло ещё меньше: на раздобревшей от времени или великих трудов физиономии красовались два слова «хам» и «взяточник». На свой портрет Горячев загляделся: неизвестный избирателю водолаз был погружён в ванну, из которой истекал поток воды с пузырьками-обещаниями: «равноправие в очередях», «право на ударный труд», «свобода слова на кухне» и т.п. Под рисунком шариковой ручкой с красной пастой был отклик: «Не брешите на хорошего человека. Вы сами – кто? Варя».

Горячев не сдержал чувств – попросил у кого-то из ожидающих трамвай авторучку и приписал в самом конце листовки: «Спасибо, Варенька!».

У вожатой Светланы появился гражданский муж. Так сейчас говорят, если без похода в загс и тем более без венчания двое молодых людей соединяют в одно целое мечты, характеры и плоть. Сторонним они представляются другом и подругой, но явно это соответствует истине с большой натяжкой. Свету друг очаровал на танцах после трёх фокстротов и двух танго. Проводил её до дома, она пригласила к себе. Так повторялось потом каждый вечер. При появлении первых снежинок она стала вязать ему свитер и шарф, готовить для милого в своей квартире – ванну и ужин. Вскоре друг стал появляться на линии движения второго номера и ко времени обеденного перерыва. Света успевала до этого проглотить нищенский комплекс в буфете резерва, а другу Серёже («Имя, как у Есенина!» восхищалась она) обед подавался из объёмистой сумки с домашними разносолами, и всё – по заказу любимого.

Варвара Николаевна в личные дела товарки не вмешивалась, но по совести своей была настороже. И стоило: друг Серёжа ни разу не подарил Свете даже цветочного лепестка, не представлял подругу обществу. Несколько раз он брал у Светланы деньги, чтобы приобрести билеты на концерты

московских звёзд, и всегда ему «не везло»: удавалось купить лишь один, последний.

Больше всего возмущало Варвару Николаевну, что находясь в рабочем рейсе Светланы, друг Серёжа строил из себя человека постороннего: не здоровался со Светой, даже когда входил в вагон через переднюю дверь. Варвару Николаевну и её коллег он вообще не брал в расчёт: деньги на билет передавал по цепочке пассажиров, чтобы не контактировать с кондуктором.

Светлана горьких сомнений Варвары Николаевны не разделяла. На каждый приговор другу Серёже у неё был один ответ:

– Знали бы вы, какой он мужчина!

Наедине с Варварой Николаевной добавляла:

– Твоему Пантелею до него далеко... Серёжа к тебе приглядывается. А как ты форму надела, сказал: «Варька, гляди, – красивая и молодая. Раньше не замечал. Надо ближе познакомиться...».

– Пусть, знаешь, куда идёт...

Палеха пришёл в отделение Союза художников по делу серьёзному – принёс заявление с просьбой принять его в местную творческую ячейку.

– Это вопрос сложный, – сделал глубокомысленное лицо председатель правления Молотцов, – Я вас первый раз вижу, и работ вашего авторства не встречал. А необходимо наличие выставок, положительных рецензий искусствоведов. Может, вы приезжий?

– От рождения до сего дня жительствую в Орле. Правда, выставок моих никто устраивать не собирался, хотя большинство работ у народа на виду.

Доступны для глаза и души. Вход для просмотра бесплатный...

– Обсудим...

Молотцов придвинул к себе лист с заявлением, что-то черкнул карандашом в верхнем левом углу бумаги и, не глядя на Палеху, проговорил:

– До лучших времён!

– А долго ли придётся ждать эти времена?

– Всё решает коллектив художников. Через неделю можете узнать мнение правления. Документы оставьте пока у нас.

В поход на избирательный участок Варвара Николаевна и Дуняшка снаряжались долго и тщательно: ведомственная униформа поражала чистотой и аккуратностью, медные пуговицы полушинели выдраены до блеска. А главное – вместо громоздких мужских шапок на идеально выполненных причёсках красовались изящные мутоновые «пирожки»-пилоточки.

– С праздником вас, госпожа бортпроводница! – начала вышучивать сестру Дуняшка.

– С каким праздником?

– С выборами. Будешь сегодня поздравлять избранного честным народом Пантелеймона Исидоровича.

– Ну что ты говоришь!

– Правду, Варенька...

В клубе завода «Коленвал» толкучки избирателей не наблюдалось. Зато появлению сестёр заметно обрадовались общественные наблюдатели и члены участковой комиссии.

– Вам всё ясно в механизме голосования? – приподнялась из-за стола ухоженная девица-красавица.

Дуняшка залюбовалась ею, особенно высокой и белой лебединой шеей.

– Не тяните резину, а предъявляйте паспорт! – ещё один женский голос, менее нежный и совсем не уважительный.

– Я-я-я-я..., – запнулась Дуняшка.

– Она ещё по возрасту не может голосовать, – поспешила на помощь Варвара Николаевна. – А в кабинку со мной ей можно зайти?

– Не возбраняется, – смягчился строгий голос.

В бюллетене по выборам мэра города оказалось девять фамилий. Сестёр обрадовало, что Горячев значился первым. Дуняшка на этот счёт сочинила афоризм: «Народ любит первых!». Она же и «галочку» в поддержку Пантелеймона Исидоровича поставила. Обе дамочки вздохнули облегчённо и вышли из кабины со счастливыми лицами – словно сами одержали большую-пребольшую победу.

На выходе остановил молодой длинноносый очкарик:

– Извините, прошу всего пару слов для информкорпорации «Ваши...».

– А мы голосовали вот за «наших», – отмахнулась Варвара Николаевна. Очкарик, видно, обиделся, но занёс в тетрадь-дневник крестик или нолик.

– Времени у нас ещё много. Давай подышим, – предложила Варвара Николаевна. Она обвела взглядом опущенные первым инеем верхушки деревьев, расходящиеся лучами аллеи прилегающего к клубу сквера.

Дуняшка наслаждалась ощущениями от прикасания к взрослой жизни.

«Как в сказке! – восхищалась она. – Был сегодня Пантелеймон Исидорович простым хорошим человеком, а завтра проснётся градоначальником. Галстук наденет, сбреет усы, а у подъезда его будет ждать какой-нибудь «мерс». На работе улыбкой «шесть на девять» встретит его топ-секретарша».

Дуняшка, конечно, жалела, что Горячев не появится теперь в трамвае, и зарастёт тонюсенькая тропа от сердца Вареньки к его душе.

– Смотри! И на улице милицию заставляют дежурить, – шёпотом, но громко сообщил своей преклонной подруге старик «в пыжике». – А ещё демократами называются...

Сёстры прыснули смехом в варежки, а Дуняшка разыгралась – и честь старичкам отдала.

– Чего ты завоображала? – Варвара Николаевна посерьёзнела лицом. – Лучше не забудь исключить из новой формы тёмно-синий цвет: старшему поколению он напоминает обмундировку милиции. Приличнее – беж или каштановый с золотистым кантом и...

– Аксельбантами на груди! – выдохнула вперемежку со смехом Дуняшка.

– А что это за чудо?

– Ну такие плетёные из парчи или шёлка штучки. Их прикрепляют для красоты на уровне кокетки.

– Приклад интересный. Только вместо плёток надо на цепочке цветы, покрытые эмалью подвешивать.

– И мужчинам?

– Им вообще не нужны никакие подвески...

– Ну хватит про эти... аксельбанты! – Варвара Николаевна охватила рукой плечи Дуняшки, притиснула сестрёнку к себе. – Езжай домой, поешь, поспи всласть: рабочий график у тебя свободный.

(Продолжение следует)

Чествование митрополита Антония

В канун празднования 80-летия Высокпреосвященнейшего митрополита **Антония** Среднерусский институт управления (филиал РАНХиГС) совместно с Ливенской епархией выпустили книгу «Митрополит Антоний: жизнь, служение труды», которая содержит высказывания, послания, выступления, лекции Владыки, а также уникальные фотографии из личного архива Архиепископа.

Эти произведения показывают всю многогранность его духовной работы по проповеди слова Божия как на территории Орловской митрополии, так и тех епархий, где он служил ранее, – отметил доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления (филиала РАНХиГС) **Виктор Ливцов**.

Торжественная церемония презентации завершилась вручением Владыке ордена «Вифлеемская

Звезда» – высшей награды Императорского православного палестинского общества. По поручению председателя ИППО **Сергея Степашина** её Архиепископию вручил руководитель Орловского регионального отделения ИППО **Сергей Фелефов**.

Студенты первого курса Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС вместе с преподавателем **Наталией Кулаженковой** посетили экспозицию музея «История органов внутренних дел Орловской области».

В ходе экскурсии студенты узнали об особенностях работы в полиции, о полицейских на службе и в жизни, об участии сотрудников Орловского гарнизона в Великой Отечественной войне, об исполнении интернационального долга в Афганистане, контртеррористических операциях в Северо-Кавказском регионе и ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

Музей хранит память о тех, кто погиб при исполнении служебных обязанностей. В музее есть книга Памяти, в ко-

В музей на экскурсию

торую занесены биографические сведения героев и обстоятельства их гибели при исполнении служебных обязанностей. В этом году был открыт мемориальный комплекс на «Аллее Славы», включающий в себя стелу, небольшой сквер, мемориальные камни с именами 145 погибших сотрудников внутренних дел начиная с гражданской войны 1917 года по настоящее время, возведена часовня.

В завершение участники встречи поблагодарили главного специалиста Культурного центра **Наталью Поцелуеву** за экскурсию и оставили тёплые слова благодарности в книге отзывов.

Цифровой регион

Заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС Татьяна Александровна Головина, профессор кафедры Андрей Витальевич Полянин и аспирант кафедры Анна Евгеньевна Белопипецкая приняли участие во II международной научно-практической конференции «Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты», организованной Инженерно-экономическим институтом Брянского государственного инженерно-технологического университета (г. Брянск). Целью конференции стало формирование трендов фундаментальных и прикладных ис-

следований, направленных на обсуждение актуальных проблем использования цифровых технологий в управлении регионом.

В мероприятии приняли участие преподаватели, ученые, специалисты, аспиранты и магистранты российских и зарубежных образовательных организаций высшего образования, представители органов государственного управления и местного самоуправления Брянской области.

Анна Белопипецкая выступила с докладом: «Анализ мировых тенденций в управлении человеческими ресурсами в условиях цифровой экономики и трансформации бизнес – процессов». Все участники мероприятия получили сертификаты, результаты исследований наших преподавателей опубликованы в сборнике материалов конференции.

Научный клуб «ЧиновникЪ»

Состоялось первое в новом учебном году заседание научного клуба «ЧиновникЪ». Приглашённым спикером стала главный специалист – эксперт отдела кадров и безопасности Управления федеральной налоговой службы России по Орловской области Ирина Ромашина.

Основное внимание в ходе заседания было уделено порядку предоставления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственных гражданских служащих, а также практике осущест-

вления контроля за достоверностью и полнотой представленных данных. Студенты задали очень много вопросов, касающихся процесса поиска вакансий на федеральной государственной гражданской службе, особенностей учета квалификационных требований в процессе проведения конкурсного отбора.

По итогам заседания было высказано пожелание сделать встречи с представителями органов государственной власти и местного самоуправления регулярными.

СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ РАЕШНО!

В Среднерусском институте управления филиале РАНХиГС прошёл финал VIII Всероссийского кубка КВН РАНХиГС, в котором приняли участие победители полуфинальной игры, состоявшейся накануне.

Пролог финала был фееричным! Лазерное шоу, хореографический коллектив Среднерусского института управления «exserption» настолько сильно разогрел зал с самого начала, что аплодисменты не смолкали!

На сцену вышли команды из Владимира, Калининграда, Орла, Чебоксар, Волгограда, Москвы, Красногорска, Воронежа.

Почётными гостями мероприятия стали начальник управления молодёжной политики РАНХиГС **Алексей Спирин** и начальник отдела внеучебной деятельности РАНХиГС **Надежда Орлова**.

В результате первое место с максимальным количеством баллов заняла команда из г. Орла «Решка».

Второе место досталось коллективу из Владимира «Сборная Владимирского филиала», а бронзовыми призёрами стали ребята из команды «ОколоМосква» (г. Красногорск).

Кроме этого жюри выбрало победителя в номинации «Лучшая миниатюра» (коман-

победителям кубки, дипломы, сувенирную продукцию и путёвку для участия в сочинском фестивале.

Команды порадовали зрителей, жюри и гостей Президентской Академии оригинальными, интересными и яркими номерами, причём каждая команда постаралась проявить свою индивидуальность.

Завершился праздник юмора флеш-мобом: все участники запустили воздушные шары и попрощались с Лигой КВН.

да из ЧиФ РАНХиГС), «Лучшая шутка» (команда из Москвы).

Лучшим актёром признали представителя коллектива из Волгограда, а лучшей актрисой – девушку из команды «Бульвар Олимпийский».

Заместитель директора Среднерусского института управления (филиала РАНХиГС) Алексей Викторович Мельников и начальник управления молодёжной политики РАНХиГС Алексей Викторович Спирин вручили

Ольга АРИСТАРИНА

Ольга Аристарина родилась и выросла в Краснозоренском районе Орловской области.

С золотой медалью окончила школу.

С красным дипломом окончила Орловский государственный университет – отделение журналистики филологического факультета. Работает в сфере массовых коммуникаций.

Её проза и стихи публиковались в творческих сборниках, региональных и федеральных печатных изданиях. Обладатель Гран-при Всероссийского конкурса «Спасите пушкинский язык!» (2019).

Сегодня выносим на суд читателей некоторые из её иронических рассказов. Добавим, что они вошли в первую книгу молодого автора «Искушение», которая увидит свет в ближайшее время.

Солнышко моё

«Нет, ты только посмотри, как сейчас делают. Я ещё и месяца не проносил, а уже отклеились, потрескались, – жаловался Михаил другу на свои туфли. – В магазине увидел, сразу понял: то, что надо. Красивые, удобные, стильные. А теперь даже шнурки обтрепались. Обул-то пару раз, в клуб сходить, ну, к Светке своей на свидание, к Ленке, к Таньке съездил и всё».

Туфли, и правда, были красивые: чёрные, лакированные, с аккуратной шнуровкой. Лучше просто не найти. Но Артёму, слушавшему жалобы Мишки, если откровенно, не было до них никакого дела. Мысленно он давно был дома, где его поджидало удобное кресло, телевизор, вкусный горячий ужин и любимая жена Ира, с которой вместе уже десять лет.

Свадьбу сыграли сразу после школы. В юношеском азарте летели студенческие годы, светлые, полные наивности и надежд. А потом жизнь потекла ещё быстрее. Столько всего случилось. Шумные общепития, холодные съёмные углы... Главное, что всегда они были вместе. Ире бесконечно завидовали подружки, которым её скромное житьё казалось настоящим раем. Друзья укоряли Артёма: будто он, и без того не особенно общительный, стал настоящим затворником. Как было объяснить недоумевающим товарищам значение простого, тихого семейного счастья. Да и зачем кому бы то ни было что-то доказывать.

Сейчас Артёму как главному инженеру хозяйства построили большой светлый дом – символ их с Ирой семейного спокойствия, любви и надежды... Надежды на то, что кто-то звонким голоском скажет: «Пап, почитай на ночь книжку...». А затем: «Меня мальчишки в школе опять за косички дёрпали. Не больно, но обидно».

Артём долго мечтал о дочке, хотя безумно рад был бы и сыну. Просто очень любил жену и хотел, чтобы в доме появилось ещё одно маленькое солнышко с такими же небесно-голубыми глазами, вздёрнутым носиком, пушистыми, цвета спелого ржаного колоса, волосами.

Мужчина думал о будущем каждый день, но не мог разобраться, что чувствовал при этом: умиление, огорчение, трепет, злость? Проросла какая-то глухая чёрная безнадежность, грозившая подчинить сознание, слизать все краски, все мечты.

Ира в последнее время стала очень печальной, раздражительной, молчаливой. Ожидаемые ранее семейные ужины начинали пугать напряжённостью. Поэтому Мишкины

жалобы на туфли в какой-то степени помогли, став предметом обсуждения за столом.

– Да, обувь сейчас никуда не годится... Мишка-то сам как? Не женился? Пусть приходит в гости, – чтобы поддержать беседу сказала Ира.

– Нет. Он только отшучивается: найду такую, как твоя жена, – сразу женюсь. Ему и так хорошо. Такому мужику трудно распрощаться со свободой. Наградит же природа человека и умом, и деловой смекалкой, и внешностью. Ему бы шашку – усы и кудри чёрные уже есть. Казак. Настоящий казак. Дед родом с Кубани...

– Пустозвон он, – как-то резко оборвала Ира мужа, встав из-за стола.

– Напрасно ты так. Хороший мужик, – обиделся за друга Артём. – Кстати, хотел его послать, как механика, в командировку, а придётся самому ехать. Кое-какие документы нужно подписать...

Гостиницы, переговоры, встречи. Как хорошо, что всё кончается. Скорее бы домой. На расстоянии чувствуешь сильнее. Душа словно связана с домом тонкими невидимыми струнами. При разлуке эти жилки растягиваются, становясь всё тоньше. От этого и звучат любые ноты переживаний мелодичней.

Артём на день раньше возвращался из командировки, сделав все необходимые дела в городе.

«Вот обрадуется!» – восторженно думал мужчина, глядя из окна машины на погружённое в сон ночное село. Всё кажется родным, давно знакомым, пройденным, изведанным. Ещё пара метров и свет фар выхватит из темноты их невысокий ровный заборчик. Вишни перед домом, встрепенувшись, как разбуженные птахи, помашут ветвями и снова погрузятся в сон.

Тихо, чтобы не разбудить жену, Артём своим ключом открыл входную дверь, включил свет, наклонился снять ботинки и замер. В прихожей на половичке стояли чёрные лакированные туфли.

«Нормальные, модные...», – отметил мужчина, тупо глядя на поблёскивающие в свете ночника туфли. Осознав нелепость ситуации, недолго думая, он бросил туфли в открытую форточку. «Я и этого мерзавца сейчас выброшу. То-то Мишка всё моей женой восхищается, зачистил с визитами. Ирка тоже хороша. Последнее время из депрессии не выходит. Влюбилась значит в него: пусть в гости приходит... Вот пришёл. Сейчас будет его последнее путешествие. Убью».

Ревность буквально душила. Обманутый муж с силой дёрнул закрытую дверь спальни. На кровати, прикрывшись клетчатым пледом, безмятежно спала Ира. Артём в непони-

мании присел, мысли роem кружились в голове: «Где Мишка? Как сумел сбежать? Окно в комнате не открывается, под кроватью пусто. Шкафа нет...».

... Счастье Иры не было предела, когда утром на соседней подушке женщина увидела белокурую голову мужа. На первое восклицание проснувшегося Артёма: «Где Мишка?» она ответила: «Поехал свататься в соседнее село».

На вопрос жены, как туфли, которые она по просьбе Мишки забрала из обувной мастерской, оказались в палисаднике, Артём развёл руками и начал говорить что-то о полтергейсте и волшебстве, которые иногда происходят.

Причём сомневаться в чудесах действительно не стоит.

Совсем скоро волшебные сказки молодой отец рассказывал своей маленькой Машеньке. Имя дочке Артём выбрал сам.

Мужчина парил над землёй от счастья. Дочь росла, становилась настоящей красавицей. Статная и гордая. Волосы как крыло ворона. От взгляда жгучих чёрных глаз сам Артём не знал, куда скрыться. На вопросы любопытствующих, в кого она у вас такая, с гордостью отвечал: «Моя порода!».

Иногда на душе становилось тревожно. Жизнь – та же спираль. Растёшь, движешься, поднимаешься, каждый новый виток неминуемо заставляет пусть вскользь, но коснуться прошлого. Не причастен ли Мишка к кардинальным переменам в семье?

Совместные ужины радуют и греют по-прежнему. Воркует в углу телевизор. Маша, повествуя о школьных новостях, вдруг прерывается, глядя на экран: «Мам, глянь: в новостях показывают папиного друга дядю Мишу, руководителя соседнего сельхозпредприятия. Пробивной мужик, говорят, этот Михаил Михайлович. А красивый-то какой. Пап, не переключай. Пусть мама посмотрит, как дядя Миша здорово выглядит».

– Артём, правда. Дай хоть по телевизору на Мишку посмотреть. Сто лет его не видела, – излишне эмоционально вступила в разговор жена.

– Что на него смотреть. По другому каналу сейчас погоду на завтра скажут.

Артём давно понял, что лучше чего-то не разглядеть, чего-то не заменить, не расслышать, чтобы самого себя не терзать сомнениями. Это не трусость. Это сила, великая сила любви.

А дед у Артёма, говорят, и правда, был высокий, широкоплечий, красивый. Погиб на войне. Осталась только фотография. Хотя на чёрно-белом фото даже светлые волосы кажутся тёмными...

«Нет, дедушка точно был брюнетом. Это в него Маша такая черноокая красавица...», – в тысячный раз, радуясь или утешая себя, повторял Артём одну и ту же фразу. – Наша порода. Вылитый дед. Солнышко моё...».

Юля и Кисуля

Юлька – студентка первого курса – уже больше полугода снимала комнату в двушке немолодой семейной пары, точнее, семейного трио: хозяин, хозяйка и их собачка с мелодичным именем Киса. Нравилось ли лохматому, почти породистому существу это имя – неизвестно.

Киса имела гордый нрав, подходила лишь к избранным. Неприятелей даже не достаивала своим злобным пискливым тявканьем, и Юлька явно входила в их число. А вот с хозяевами отношения складывались чудесно. Именно поэтому они, решив съездить на выходные к родне за город,

безо всякого опасения оставили Кисулю на попечение Юльки. Хозяйка минут сорок объясняла особенности почасового кормления Кисы, нежно целуя избалованную собачку в носик, всплакнула, уходя на вокзал – и «поезд вдаль умчал».

Остаток дня прошёл прекрасно. Юля млела на диване перед телевизором, предварительно согнав оттуда Кису. Озлобленное существо выглядывало из-под кресла, затаив в душе (если таковая была) месть. Юля покормила свою подопечную. Если честно, обильный собачий рацион всегда будил в девушке чувство зависти и голода, он не шёл ни в какое сравнение с её студенческим пайком.

Вечер прошёл в мирной обстановке, дамы улеглись спать: Юлька – в своей комнате на раскладушке, Киса – на диване, с которого ей всё-таки удалось выдворить постоялицу.

Эх, что может быть лучше ночи с субботы на воскресенье, когда можно отоспаться за прошлую неделю так, чтобы хватило на следующую!

Юлька блаженно улыбалась во сне до самого утра, точнее до четырёх часов, потому что в это время раздался оглушительный вой-писк-рв, да ещё со скрежетом когтей об пол. У двери, позабыв про свою гордость, стояло лохматое чудо: «Тяв – гав – гул». «Гулять..!» – поняла Юлька и ужаснулась, взглянув на часы.

Эмоции переполняли душу, в голове всплыли слова, совсем неподходящие лексикону девушки-студентки филологического факультета. Но... за стеной соседи... Она покорно надела халат, накинула сверху плащ (была середина весны, по утрам холодновато). В таком виде, надеясь позже доспать положенное, не умываясь (Юлька помнила, что попросила однажды у Деда Мороза подарок – куклу и три недели не умываться), девушка буквально вытолкнула сама себя за порог вслед за вопящей Кисулей.

Как назло Юлька сломала ключ от кодовой двери подъезда, её пришлось оставить открытой. Девушка села на скамейку перед домом, спустив собачку с поводка.

Весна, идилия, свежий воздух... Сон как-то незаметно подкрался к невыспавшейся девчонке.

Бум! – хлопнула дверь подъезда. Последнее, что успела увидеть спящая красавица в пугающем чернотой дверном проёме – короткий хвостик Кисулики.

Сон как рукой сняло. Юлька продрогла до костей, а вдобавок поняла, как она «замечательно» выглядит: халат, плащ, тапочки на босу ногу, один синий – хозяйский, другой, белый, – её собственный.

Воскресенье, окраина города, закрытая дверь, пять часов утра... Лечь на лавку, уснуть и видеть сны? Ведь должен же кто-нибудь когда-нибудь войти или выйти? Вполне пробудившись, Юлька заметила, что её пристально и с большим интересом рассматривает какой-то молодой человек. Ей было уже всё равно, как она выглядит. «Ключи есть?» – спросила девушка, небрежно кивнув в сторону подъезда. «Нет», – последовал ответ. «Тогда садись», – подвинулась она на скамейке.

Так они и познакомились – Юлька, «кинутая» Кисой, и Олег, вернувшийся из отпуска жилец квартиры № 28. Ключи он потерял, а родителей так рано будить не хотел.

Через год Юля стала не квартиранткой, а соседкой Кисули. Иногда по старой дружбе она угощает лохматое существо обожаемыми им сардельками. Но, несмотря на уговоры Олега, собаку Юлька категорически заводить не хочет.

Валерий АНИШКИН

СТУДЕНТ

Человек в мире изменённого сознания
(в сокращении)

Часть I

Глава 7

Алексея Струкова исключили из института за антисоветскую пропаганду. Кто-то донёс, что он усомнился в правомерности наших действий в Венгрии. Говорил: «Народ воспользовался своим правом на независимость, а мы в него стреляли».

– Венгрия воевала на стороне фашистов до конца войны, – сказал Юрка. – Там всегда был бардак. Если бы мы не ввели войска, Венгрия не была бы социалистической.

– А это их выбор. Народ всегда прав, – не согласился Лякса. – Тем более, что обязаны были уйти оттуда ещё в прошлом году, как только союзники покинули Австрию.

– Меньше «Голос Америки» слушай. А то как Лёха залетишь, – строго сказал Юрка.

– Не залечу, если ты не донесёшь, – пробурчал Лякса.

– Дурак ты, Лякса, – обиделся Юрка.

– Ладно, умный. Мы же разоблачили культ личности Сталина, а Матиас Ракоши – сталинист. Это он установил диктатуру и расправлялся с неугодными. Да ещё насильственная коллективизация.

– Так его за это и сместили, – возразил Юрка.

– Правильно, сместили, а новый, Хагедюш, опять вернулся к сталинизму. После этого народ и стал требовать Надя, при котором жил лучше, и требовать вывода наших войск из Венгрии.

– Да не в этом дело, – не согласился Юрка. – Дело в том, что стали выступать вообще против социализма.

– А я ещё раз повторю – это их выбор.

– Выбор выбором, но есть ещё высшие интересы.

– Это какие же?

– Интересы государства. Да и вообще, если б не поляки со своим прошлогодним восстанием, ничего бы и в Венгрии не произошло.

– А при чём здесь поляки? – недоуменно пожал плечами Лякса.

– Так дурные примеры заразительны. Рабочие поднялись в Познани, а Венгрия – глядя на них...

– В Польше всё как началось, так скоро и закончилось, – сказал Лякса, – а в Венгрии произошло настоящее восстание, и подавляли его наши танки... Говорят, там убитых и раненых оказалось почти две тысячи. А посадили вообще немерено.

– Любая власть имеет право защищать себя от любых попыток ее сместить, упрямо стоял на своём Юрка. – Так было всегда и везде... Лично я вообще против всяких бунтов и революций, потому что все они бессмысленны, и от них ни пользы, ни свободы. Придут новые люди, и уже они будут защищали свою власть от тех, кто тоже хочет власти.

– А Французская революция? Она принесла свободу и

сделала Францию республикой, – возразил Лякса.

Я молча слушал спор моих товарищей. В голове мелькнула фраза, которую я вслух произносить не стал: «В Париже всё по-прежнему, честные люди ходят пешком, негодяи разъезжают в каретах, только негодяи сейчас другие». Такими словами Гюго отметил какую-то вредную заварушку.

– Во-во. Республику установили, но при этом угробили больше четырёх миллионов человек. Читали, знаем. Не жалели ни стариков, ни маленьких детей. И самое аморальное в том, что Гильотен, придумавший гильотину, был уважаемым учёным, доктором анатомии.

– Гильотину изобрёл не Гильотен, он только предложил её использовать, – поправил Алик.

– Да какая разница, – отмахнулся Юрка. – Где у тебя Карлейль?

– Зачем тебе Карлейль?

– А он как раз хорошо показал изнанку революции.

– Ну и что? Читал я твоего Карлейля.

– А я Володьке покажу.

Алик нехотя встал и достал из книжного шкафа томик в сером переплёте. Это была книга английского историка Томаса Карлейля (*Томас Карлейль (4 декабря 1795 – 5 февраля 1881) – шотландский писатель, публицист, историк и философ, автор многотомного сочинения «Французская революция» (1837) и др.*) «Французская революция» Санкт-Петербургского издания 1907 года.

Юрка полистал книгу, нашёл нужное место.

– Вот. Здесь говорится, как в трюмы барж заталкивали тех, кто был против нового порядка, и топили. «Но зачем жертвовать баркой? – пишет Карлейль. – Не проще ли стлкнуть в воду со связанными руками и осыпать свинцовым градом всё пространство реки, пока последний из барахтающихся не пойдёт на дно?.. И маленькие дети были брошены туда, несмотря на мольбы матерей. «Это волчата, – отвечала рота Марата, – из них вырастут волки»... Вооружёнными палачами «расстреливались маленькие дети и женщины с грудными младенцами... расстреливали по 500 человек за раз...».

А по закону Робеспьера каждый гражданин обязан был донести на заговорщика, которому, конечно, отрубали голову.

– За это Робеспьера самого отправили на эшафот, – добавил Алик. – Только что ты хочешь этим сказать? Революция была буржуазная, и она не изъявляла волю народа.

– Ага, а Бастилию кто брал? Не народ?

– А что народ? Народ подбить к бунту – раз плюнуть. Главной силой всё равно осталась буржуазия... Но ты же не будешь спорить, что революция во Франции утвердила новое, более демократичное общество.

– Многие историки говорят, что те же цели могли быть

достигнуты и без такого большого количества жертв.

– Это Токвиль (*Алексис-Шарль-Анри Клерель де Токвиль – французский политический деятель, министр иностранных дел Франции (1849). Более всего известен как автор историко-политического трактата «Демократия в Америке».*), – сказал Алик. – Он писал, что крах Старого порядка произошёл бы и без всякой революции. Но другие историки считают, что революция принесла народу Франции освобождение от тяжёлого гнёта, чего нельзя было достичь другим путём.

Алику видно надоел этот в какой-то мере бессмысленный спор и он сказал:

– Короче, мы пришли к истине, которая лежит посередине. А народ всегда будет недоволен властью и хотеть перемен.

– Буржуазной властью, – подняв палей вверх, значительно сказал Юрка.

– Буржуазной властью, – согласился Алик. – Народ всегда будет недоволен своей буржуазной властью.

Глава 9

Отцу старый товарищ КП – Константин Петрович – подарил том только что вышедших избранных стихов Есенина, которого отец очень любил и который не то чтобы запрещался, но увлечение его поэзией не поощрялось. В школе нам говорили, что Есенина читать не нужно, потому что он хулиган, пьяница и психически больной человек, а поэтому и его поэзия сплошная похабщина и разврат. На это отец прочитал несколько стихов Есенина, которые восхитили меня. Стихи воспевали русскую природу, говорили о чистой и светлой любви. От этих стихов веяло ароматом полей, запахом свежескошенной травы и деревней с ее нелегкой крестьянской жизнью. Стихи казались простыми и незатейливыми, но в них слышалась музыка, их хотелось петь. Я не предполагал, что отец так хорошо знает Есенина, но понял, что его роднят с ним их деревенские корни. Когда отец читал «Возвращение на родину»:

*Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с берёзовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.
И дальше:
Отцовский дом
Не мог я распознать:
Приметный клён уж под окном не машет...*

Я видел грусть в глазах отца. Ведь это поэт писал и про него. И «Письмо от матери» про него. А «Русь»? Которая кончалась так:

*Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.*

Разве мог это написать психически больной человек! И теперь я уже не верил, что поэт с такой чистой душой и такой любовью к Родине, мог писать похабщину и что его стихи сплошной разврат.

Конечно, отец предупредил меня, чтобы я больше помалкивал, если где-то зайдёт разговор о Есенине. И не нужно кому бы то ни было знать, что у нас об этом поэте свое особое мнение. Мы с отцом уже были научены горьким опытом настороженного, если не сказать враждебного, отношения к

моим, выходявшим за рамки общеизвестного способностям, которыми я обладал, и осторожность как-то уже стала нашим естественным образом поведения.

Вечером я зашёл к Юрке Богомолу. Мне открыла Наталья Дмитриевна. Увидев меня, обрадовалась.

– Володя пришёл. Вот хорошо, что пришёл.

И зашептала:

– А у Юрика – девка. Ну их совсем. Уж два часа сидит... Замучили девки. Сейчас Маша. Эта, правда, хорошая, вежливая.

– Мам, кто там? – подал голос Юрка.

– Володя пришёл, – елеинным голосом ответила Наталья Дмитриевна.

Из своей комнаты вышел взъерошенный Пётр Дмитриевич, пробурчал что-то вроде приветствия и снова скрылся в комнате.

Вышел Юрка, в тапочках и в расстёгнутой рубашке поверх брюк. Поздоровался. Торопливо сказал:

– Иди к Ляксе. Он дома. Я сейчас Машку до автобуса провожу и приду.

У Ляксы я похвастался Есениным. Ведь, чтобы купить книгу, несмотря на большие тиражи, нужно было её доставать или стоять за ней в очереди.

– Отцу подарили, – сказал я. – Наконец издали.

– Почему «наконец»? – усмехнулся Лякса. – Его и раньше издавали.

– Ну, как же, всем известно, что он считался запрещённым и что за чтение его стихов могли привлечь, – сказал я.

– С «есенинщиной» боролись, считая его поэзию упадочнической и вредной, но стихи издавали.

– Как это? – удивился я.

– Не знаю. Знаю только, что с 28-го года он издавался почти каждый год вплоть до выхода этой твоей книги. Если не веришь, у меня есть список.

– А как же статья? Ведь действовала же статья, по которой за чтение стихов Есенина могли посадить, – напомнил я.

– Вряд ли просто за стихи, – покачал головой Лякса. – Конечно, в школе «Москву кабацкую», например, никто б читать не разрешил, но учителя за чтение ученикам Есенина при Сталине, я думаю, могли бы и посадить.

Пока мы говорили про Есенина, пришёл Юрка.

– Да тогда много что запрещалось, – сказал Юрка, когда Лякса рассказал ему о нашем разговоре. – Вспомните Ахматову и Зощенко. Как их после войны Жданов раздолбал. Мол, Зощенко высмеивает советские порядки и советских людей представляет чуть не идиотами, а Ахматова своей безыдейной поэзией вообще наносит вред.

– Их начали долбать ещё раньше, так что к этому всё шло, – заметил Лякса.

– Зощенко многим не нравится, – сказал я. – Одна знакомая библиотекарьша, сказала мне как-то про него: «Господи, как можно такую пошлятину читать!».

– А это с какой стороны посмотреть, – усмехнулся Юрка. – Зощенко, конечно, не Чехов, но классик.

– Лично я тоже никакой пошлости в рассказах Зощенко не вижу, – согласился с Юркой Лякса. – Твоя библиотекарьша ничего не поняла или не так читала Зощенко.

– Вот именно. Не дураки же были Алексей Толстой и Тынников, когда давали Зощенко оценку как классику, – подтвердил Юрка.

– Прибавь сюда ещё Олешу и Маршака, – вспомнил Лякса.

БЕДНЫЕ ДЕТИ ДЛЯ БОГАТЫХ РОДИТЕЛЕЙ

Инна сама предложила встретиться. Я даже не догадывался, о чём пойдёт разговор. Мы раньше были едва знакомы, встречались на каких-то мероприятиях, в компаниях. Но дальше дежурных разговоров "о погоде" знакомство не распространялось.

И вот этот неожиданный телефонный звонок с торопливым вопросом: "Вы меня не помните?". И тут же предложение увидеться, чтобы рассказать об Америке, откуда Инна недавно прилетела... Она же сама выбрала неприметный ресторанчик, где в полутьме особенно эффектно вспыхивали блёстки на её ресницах...

Максим МАЙСКИЙ

— Вы слышали про мисс Бройлес? — без предисловий начала Инна. И, заметив недоумение на моём лице, перестроила вопрос. — Проблема усыновления богатыми американцами детей из других стран вам знакома?

— Слышал об этом. Ты что же, за этим летала в Штаты?

— Да, — решительно выдохнула Инна, её ресницы-опалы раскрылись, увеличивая окружность глаз, и застыли в ожидании ответной реакции. Моё удивление, видимо, не достигло предполагаемых размеров, поэтому после короткой паузы Инна продолжила. — Миссис Бройлес живёт в Штате Луизиана, у неё за сравнительно небольшие (для американцев) деньги можно приобрести ребёнка в возрасте до 3 лет... Её фирма легальна, более того, от властей штата она получает материальную помощь за каждого новорождённого.

— У неё свой роддом?

— Нет. Америка ещё полвека назад начала кампанию по усыновлению детей-сирот. После войн в Корее, Вьетнаме и других странах в США прямо-таки бум настал, хорошим тоном считалось взять сироту, дать ей образование, положение в обществе.

А в последние годы американцы обратили взор на Россию. Говорят, за последние два-три года они усыновили более 11 тысяч наших детей. Причём на законных основаниях.

— Через фирму миссис Бройлес?

— Нет. Но усыновление через госструктуры как правило затягивается на длительное время. А миссис Бройлес решает эту проблему в два счёта.

— А ты-то зачем летала в Штаты?

— Рожать.

— ?

— У нас в стране есть так называемые представительства фирмы миссис Бройлес. Они и агитируют беременных русских женщин лететь в США. Прилетаешь в Луизиану, рожашь, получаешь деньги и возвращаешься домой.

— И сколько же денег, если не секрет?

— Две тысячи долларов

— А фирма продаёт ребёнка американцам по какой цене?

— Нам, конечно же, не говорили об этом, но по слухам где-то за 50 тысяч баксов.

— Да! И как же всё это происходит? Вот ты заключаешь контракт и...

— Во-первых, мы подписываем какие-то бумаги, нам их переводят на русский язык. Но, честно говоря, из текста ничего не понятно. Я уже дома показала контракт, вернее, черновик, написанный по памяти (потому что контракт забрали в США), знакомому юристу. Он долго вчитывался и сказал, что по большому счёту я не имею никаких прав...

— А, во-вторых?

— А, во-вторых, тебя обследуют в Москве и в определённый срок сажают на самолёт и привозят в особняк миссис Бройлес. Там строго следят, чтобы не было никаких контактов с тебе подобными. Врачи обследуют, дают рекомендации. Перед родами ещё раз обязательно спрашивают: "Вы хорошо подумали? Может быть, вы хотите этого ребёнка оставить себе?"

— Боятся, что вы передумаете?

— Конечно. Ведь бездетная американская семья уже заплатила деньги, а роженице гонорар дают только после родов.

— А что бывали случаи перемены решения?

— Да. Года два назад, рассказывали, одна женщина, по моему, из Питера, родила и отказалась отдавать девочку. Хотя дома у неё была семья, муж с детьми. Её пытались припугнуть, но она оказалась с характером. Сбежала из клиники вместе с ребёнком, спряталась в одной из церквей, сумела связаться по телефону с домом. И её вызволили. Теперь девочка имеет американской гражданство, хотя и живёт в России.

— Скандала не было?

— Как же! Эта история просочилась в прессу. Миссис Бройлес начали преследовать, но потом дело как-то замяли. Она же действительно пристраивала сирот, а этот бизнес, с прилётом-отлётом русских женщин, как бы нарушал закон о миграции и натурализации. Но и в Америке, видно, деньги решают всё.

— Но вернёмся в Россию. Как ты узнала о фирме миссис Бройлес?

— Я была в Москве уже беременная на консультации у платного гинеколога. Там-то и познакомилась с двумя женщинами, которые летали в США рожать. Они, естественно, обрисовали всё в радужных тонах. Рассказали о своей нищенской жизни до Штатов и обеспеченной — после.

— Это с двух-то тысяч долларов?

— Нет, конечно. Вернувшись в Москву, они стали представителями фирмы, получают деньги за каждую привлечённую женщину. По разговорам, за каждого "проданного" малыша им платили в среднем 10 тысяч долларов.

— Инна, извини, но в нашем уголовном кодексе есть 152-я статья "Торговля несовершеннолетними", где прямо говорится: "Купля-продажа несовершеннолетнего либо совершение иных сделок в отношении несовершеннолетнего в форме его передачи и завладении им наказывается... лишением свободы на срок до пяти лет". А если де те же деяния повлекли смерть несовершеннолетнего, то — до 15 лет. Другими словами, эта деятельность, о которой ты рассказываешь, противозаконна.

— А знаете ли Вы, что в России сейчас более 600 тысяч детей-сирот, — ресницы жёстко сомкнулись, глаза-блюдца погасли, сузились в щелочку. Инна явно не хотела затрагивать "оборотную сторону медали". — Я где-то вычитала, что столько же было после второй мировой войны. Но государство не особенно торопится взять на себя заботу об обездоленных. За целый год у нас в стране усыновили чуть больше восьми тысяч малышек.

А в Америке социальная политика направлена на то, что стране нужна "свежая кровь". Там не скрывают, что "покупают своей стране будущее, а себе возможность самореализоваться и выплеснуть нерастратченную нежность".

— Хорошо. Можно с тобой согласиться, что ты, желая лучшего своему ребёнку, отдала его в хорошую американскую семью. Но ведь связь с ним утеряна. Деньги

быстро кончатся. Неужели в сердце не шевельнётся кинжал, не станет по-женски больно за предательство и, извини, за аморальный поступок?

— Я в общем-то и напросилась на встречу, потому что... Вы попали в точку. С одной стороны я действительно руководствовалась гуманными соображениями по отношению к ребёнку. У меня ведь не сложилась личная жизнь и возвращаться домой с внебрачным ребёнком было серьёзным испытанием. Родители воспитаны в пуританских традициях, они бы меня не приветствовали. А с другой стороны вы правы, одиночество загрызло, и я, как преступница, всё чаще во сне вижу своего ребёнка, которого у меня тут же забрали и больше не показали.

Может быть, я слишком впечатлительна. Видела таких баб, которые как на конвейере, поставляют детей в фирму миссис Бройлес. У них не появляется ни угрызение совести, ни стыд...

— А как сейчас живёшь?

— Я вернулась в Москву, в мегаполисе легче раствориться, забыться. Сюда возвращаюсь навестить родителей, но как только чувствую, что разговор с мамой вот-вот коснётся моей тайны и боли, уезжаю.

— Со своими вербовщицами больше не встречаешься?

— Нет. Кстати и частного гинеколога, у которого я обследовалась, уже нет, уехал в Израиль. А в прессе как-то прочла материал о суде над группой, воровавшей малышкой для перепродажи за рубеж. Вот видите, раньше людей убивали, чтобы изъять у них донорские органы. А теперь целиком крох отправляют в другие страны. И что с ними там делают, неизвестно.

Вот и я начинаю думать, вдруг моего ребёнка не в семью отдали, а "на запчасти"...

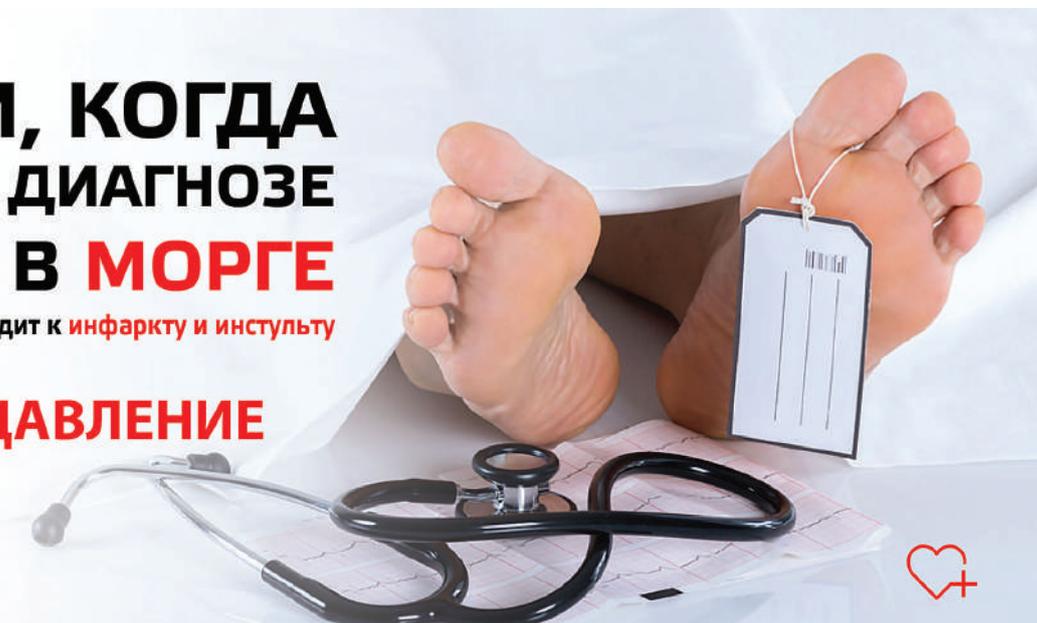
Инна замолчала, закипающие в сердце слёзы сбили дыхание. Она прикрыла глаза рукой. Я не знал что делать: утешать или провоцировать её на выплеск накопленных за долгие дни эмоции? Инна мужественно боролась с нахлынувшей слабостью. Затем резко подняла голову и, глядя мне прямо в глаза, произнесла:

— А деньги я не потратила. Вот, думаю, опять в Штаты слетать. Может быть, ещё не поздно переиграть наш контракт. Как вы думаете?

НЕ ЖДИ, КОГДА О ТВОЕМ ДИАГНОЗЕ УЗНАЮТ В МОРГЕ

Высокое давление приводит к инфаркту и инсульту

ИЗМЕРЬ ДАВЛЕНИЕ

Николай ПРОКУДИН,
член Союза российских писателей (Санкт-Петербург)

ОХОТНИКИ ЗА ПИРАТАМИ

Отрывки из приключенческого романа

(Продолжение. Начало в № 135)

На следующий день, протрезвев, я вспомнил о странном предложении малознакомого сурового субъекта участвовать в какой-то нелепой авантюре. Как его там звали... ага — Алекс, «полковник» Алекс!..

Сварил кофе, рассказал жене в общих чертах о прошедшем сабантуе — о Сомали, естественно, промолчал. Но червь сомнения глодал мозг и невольно заставлял задуматься, — разобрало жгучее любопытство. Включил компьютер, залез в интернет — решил почитать о современных пиратах: где они орудуют, как, в каких странах?

«Нарыл» следующее...

Хроника пиратства

«Сомалийские пираты начали активную деятельность ещё в 2004 году. 10 апреля 2005 года в 35 милях от Сомали вооружённые автоматами и гранатометами пираты напали на российский теплоход „Тим Бак“. Огнём была подожжена спасательная шлюпка, однако экипаж не дал захватчикам подняться на борт. Через день от сердечного приступа скончался капитан теплохода».

Бедняга капитан! Но для экипажа всё могло закончиться гораздо драматичнее. Что же там дальше произошло?

А вот что...

«06.11.2005 г. в Индийском океане пираты напали на пассажирское судно „Сибур Спирит“, на борту которого находилось 600 человек, атаковали два катера. Налётчики открыли огонь из автоматов и гранатомётов. Один человек получил ранения. В 2006 г. пираты захватили в этом районе 27 судов».

Ого! Повторно нырнул во «всемирную паутину», да поглубже — собирал и систематизировал материал в виде хроники:

«Февраль 2007 г. — захвачено судно

ООН с продовольствием. Экипаж — 12 человек.

Май 2007 г. — захват двух южнокорейских рыболовецких судов. 30 человек попали в плен.

Июнь 2007 г. — попал в плен экипаж датского судна Danica White.

Октябрь 2007 г. — пиратами захвачен японский танкер Golden Nori с экипажем из 23 человек.

3 февраля 2008 г. захвачено судно „Свитцер Корсаков“ с 6 членами экипажа, четверо из которых граждане России... 4 апреля захвачена французская круизная яхта „Ле Понан“ с 30 членами экипажа... 21—22 августа захвачено 4 судна... 25 сентября захвачено украинское судно „Фаина“ с грузом танков Т-72»...

О! Эту трагическую историю я хорошо помню, она прогремела на весь мир, именно тогда о пиратах заговорили всерьёз. Да, тревожная хроника! Читаешь информацию — словно сводки с театра военных действий: количество нападений пиратов и захваты судов с каждым годом идут по нарастающей. До чего же нагло орудуют сомалийские пираты! Перестали мелочиться — начали работать по-крупному. Сотни раненых и убитых моряков, тысячи пленённых.

Выходит, что эти современные пираты такие же кровожадные и безжалостные, как и их предшественники. Кто из нас не слышал о знаменитых пиратах: о Дрейке, Кидде, Чёрной бороде? Или о литературных персонажах типа Флинта, Сильвера, капитана Блада, о киношном любимце детворы Джеке Воробье?.. А что мы, рядовые обыватели, на самом деле знаем о пиратах и борьбе с ними? Откуда можно почерпнуть свежую информацию? Я задумался, почесал в растерянности затылок и вновь полез во «всемирную паутину» — интернет, одно из самых замечательнейших изобретений человечества. И опять «всемирная

паутина» выдала много интересного и любопытного. Скачал и распечатал на принтере...

Хроника антипиратства

«Пиратство (от греч. „Пейратес“ — разбойник, пират) в современном международном праве считается преступлением международного характера. В Конвенции ООН об открытом море от 29 апреля 1958 г. (ст. 15—23) действия пиратов определялись как „неправомерный акт насилия, задержания или грабежа... совершаемый в личных целях... в открытом море... против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства“. Согласно Конвенции, все государства обязаны содействовать уничтожению пиратства в открытом море и во всех других местах, находящихся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства.

Одним из основных международных нормативных актов в области безопасности мореплавания является Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС-74), принятая в рамках Международной морской организации (ИМО). Изначально СОЛАС-74 была направлена на организационное и техническое оснащение судов, обеспечивающее их безопасность. Позже появились меры по борьбе с пиратством, предусматривающие международное сотрудничество и взаимодействие.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (вступила в силу с 16 ноября 1994 г.) подтвердила фундаментальные принципы и нормы Конвенции об открытом море. В ст. 101—107, 110, 111 почти дословно воспроизводится содержание норм Конвенции об открытом море ст. 15—23. Морское право даёт военному кораблю любого государства возможность противодейство-

вать пиратству в открытом море.

Если акт пиратства осуществлён в пределах района, на который распространяется суверенитет государства, например в архипелажных водах, то другие государства не могут принять какие-либо меры против пиратов. Это касается и международных проливов, если они находятся в зоне территориальных вод государств: право мирного прохода не даёт возможности вести борьбу с пиратством, не предполагается возможности оказания помощи судам, подвергающимся нападению пиратов, и задержания пиратов с использованием оружия.

На дипломатической конференции, проходившей в Риме с 1 по 10 марта 1988 г. под эгидой Международной морской организации (ИМО), была принята Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства.

В отличие от Конвенции об открытом море 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., Конвенция 1988 г. направлена на пресечение более широкого круга преступных посягательств. Во-первых, предметом регулирования в ней названа борьба с незаконными актами в международном морском судоходстве. Во-вторых, существенное отличие заключается в сфере применения: Конвенция 1988 г. распространяется на деяния, совершаемые в различных категориях морских пространств — во внутренних морских водах, в территориальных водах, в открытом море. В Конвенции 1988 г. иначе, чем в предыдущих международных договорах, решён вопрос о юрисдикции государств в отношении преступных посягательств. Так, при пиратстве любое государство имеет право на пресечение (универсальная юрисдикция) актов насилия.

С 1 июля 2004 г. вступил в силу Международный кодекс по охране судов и портовых сооружений (ОСПС) Международной морской организации, вошедший составной частью (гл. XI-2) в Международную конвенцию по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74). Кодекс устанавливает унифицированные стандарты безопасности, обязательные для всех участников международных морских перевозок грузов и пассажиров. Назначение Кодекса ОСПС — не допустить пиратов на судно, однако если они всё же проникли, то экипажу необходимо знать,

как уменьшить или исключить негативные последствия.

Международной морской организацией также был разработан ряд рекомендаций с целью предупреждения и пресечения пиратства и вооружённых ограблений судов:

— рекомендации правительствам по предупреждению и пресечению пиратства и вооружённых ограблений морских судов (1999 г.);

— инструкция судовладельцам, судовладельческим компаниям, капитанам и экипажам судов по предупреждению и пресечению пиратства и вооружённых ограблений морских судов (2002 г.)...

Власти Сомали фактически не контролируют территорию страны, и морское пиратство у его берегов превратилось в серьёзную угрозу безопасности международного судоходства.

Ещё в начале 1990-х гг. проблема пиратства стала настолько серьёзной, что в малазийском городе Куала-Лумпур в 1992 г. при Международном морском бюро (International Maritime Bureau — ИМБ), учреждённом Международной торговой палатой в 1991 г., был создан Центр информации по пиратству (Piracy Reporting Centre — PRC).

Данный Центр в круглосуточном режиме отслеживает случаи нападений на суда, формируя тем самым информационный массив специфики современного пиратства. Кроме того, Центр оперативно информирует суда и судовладельческие компании о произошедших в районах плавания актах пиратства, предупреждает о наиболее опасных в этом отношении морских акваториях и портовых зонах.

Доклады ИМБ по пиратству публикуются ежегодно с 1991 г. Но статистика ИМБ является неполной, так как она учитывает лишь нападения, о которых официально сообщали судовладельцы. Поэтому в подобные отчёты попадает не более 10—20% инцидентов, связанных с пиратами. Причина заключается в том, что владельцы кораблей и грузов часто предпочитают напрямую договориться с пиратами и выплатить им отступные.

Согласно докладом ИМБ, география действия пиратов XXI века — прибрежные воды Азии, Африки, Латинской Америки. Это явление отмечено в прибрежных морях 56 стран.

Основными районами нападения являются Юго-Восточная Азия и Южно-Китайское море (Малаккский пролив, Индонезия, Филиппины, Таиланд),

Западная Африка (Нигерия, Сенегал, Ангола, Гана), Индийский океан и Восточная Африка (Индия, Шри-Ланка, Бангладеш, Сомали, Танзания), Южная Америка и Карибское море (Бразилия, Колумбия, Венесуэла, Эквадор, Никарагуа, Гайана)».

Вот такую, с одной стороны, довольно сухую и скучную, но в то же время подробную информацию мне удалось почерпнуть из открытых источников. Борьба с пиратами — вероятно, именно этого мне и не хватало, чтобы наполнить жизнь экстремальными ощущениями! Или можно произнести с ужасом: только этого мне и не хватало...

Между тем этот новый знакомец, «полковник» Алекс, пропал не на неделю и не на месяц — на целый год. Вскоре я и забыл о том коротком разговоре на даче, тем более что Филонов охарактеризовал его затею как одну из многих авантур, в которые Яркин ввязывался сам и впутывал других.

— Выкинь из головы трёп Алекса! Мало ли что ему в голову взбредёт. От идеи до реализации — пропасть. Вероятно, сейчас он занят чем-то иным, более интересным и денежным.

Я так и сделал — забыл...

Но, как выяснилось, Алекс не забыл обо мне! Примерно через год, в мае, раздался звонок мобильного телефона в самый неподходящий момент — во время выступления перед школьниками в далёком областном посёлке.

— Ты готов?

— К чему? Кто это? — не узнал я голос случайного знакомого, а номер телефона Алекса я не удосужился записать в мобильник.

— Это я! Алекс! Яркин! О разговоре про Сомали помнишь? Паспорт оформил? Ну! У тебя что — склероз? Вспомнил?

— А-а... Честно — я и забыл думать про Африку. Нет, паспорт не готов — некогда. Много других дел. А что, уже пора в Сомали?

— Конечно! Дело движется!

— Но, в принципе, я уже сдал документы в ОВИР. Через неделю будет готов. Собираюсь в Финляндию съездить...

— Вот и хорошо! Мои дела тоже в процессе, позже созвонимся! Летом...

Я снова заглянул в Интернет, любопытствовать, что творится в Индийском океане — пираты не затихли? Ведь теперь торговые пути охраняет военный флот коалиционных сил.

(Продолжение следует)

ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

Исповедь приговорённого в Орле к расстрелу серийного убийцы

В 1998 году в Орле судили серийного убийцу Валерия Скопцова. Я присутствовала почти на всех заседаниях. Помню, как удивлялась в процессе: он говорил гораздо убедительнее прокурора и, казалось, ни в чем не виновен. Судья Андрей Мальбин был мягок, давал возможность высказаться, не перебивал, складывалось впечатление, что он тоже в плену его логики, его грустных больших глаз. Всё казалось. Его приговорили к смертной казни. Мне предоставили возможность поговорить с ним после приговора. Его исповедь оказалась даже интереснее самого дела, о котором вчера вдруг напомнил Life, непонятно почему вдруг рассказавший эту историю. Я нашла исповедь, разыскала теперь уже судью в отставке Андрея Мальбина. И захотелось напомнить, как это было.

...Я ощутил себя избранным ещё в детстве

Капельки пота одна за другой скатываются с носа, приговоренного к расстрелу. Жарко. Охрана – кто рукавом, кто пилоткой утирает липкую влагу. Смертник – нет, руки сзади скованы наручниками. Обритый, в полосатой робе Скопцов, несмотря на ни на что красив, кокетлив и уверен в себе.

– Разрешите вас снять на видео?

– Но я, наверное, сегодня плохо выгляжу. Вы думаете, ничего? Ну тогда снимайте...

Многие говорили: встретить они Скопцова в реальной жизни – ему бы поверили. Открытое лицо, хорошая фигура, «бержераковские» глаза, приятный голос – ничего, что, по определению Юнга, помогло бы распознать в нём преступника. Всё отражает лишь другую, вторую сторону этого человека: начитанный и коммуникабельный, художник, музыкант. Его таланты сыграют с ним злую шутку, заставят безгранично поверить в себя, в собственную исключительность и безнаказанность.

– Мне нравится, как вы пишете, – неожиданно сказал он, – читал. Вас интересует моральная подоплёка всего того, что я сделал? Что ж, я расскажу.

Я ощутил себя избранным ещё в детстве – был на голову выше сверстников: с ходу запоминал ряды химических формул, на контрольные ходил только затем, чтобы другие могли у меня списать.

Мать меня раздражала – обыкновенный бухгалтер. Поэтому я часто убежал из дома. Жил то у тётки, то у отца. Отец – военный лётчик, тётка – заслуженный учитель, дядька – полковник КГБ.

Школу закончил блестяще и без труда поступил в Саранский медицинский университет. Меня влекла нейрохирургия, я хотел познать человека: его анатомию, морфологию. Однако наука дала не только знания, но и что-то перевернула внутри меня самого. Я утратил понятие о человеке. После патологоанатомических занятий каждого встречного хотелось уложить на мраморный пол и посмотреть, что там – внутри.

Учился хорошо. Организовал музыкальный ансамбль, студенческий журнал, занимался наукой, был профоргом. А потом всё надоело. Впрочем, не было ничего, что бы сулило мне криминальное будущее. Ничего, кроме младшего брата. Это мой антипод: ленивый, бестолковый, пьяница. Сейчас я жалею, что его не убил, а тогда мне хотелось его опекать.

Когда нас арестовали за угон мотоцикла и автомобиля, брат попросил меня взять вину на себя. В сизо я оказался вместе с врачом, осуждённым за хулиганство. Он рассказал мне, как косить под шизофреника, да я и читал об этом заболевании немало... Меня не раз будут обследовать психиатры, признавая то больным, то здоровым. Тогда, в первый раз, меня посчитали больным. С таким диагнозом не сидят, но и в медуниверситете не учатся. Меня отчислили с 4-го курса.

Быть не на высоте – стыдно

Быть не на высоте – стыдно. И я пошёл туда, где разрешено учиться с моим диагнозом – культпросветучилище – я ведь закончил музыкальную школу. Через два года, досрочно, получил красный диплом. Женился. Надо было расти, и я поступил в Ленинградскую академию культуры. Там познакомился с будущими звёздами эстрады – Тынисом Мяги, Валерием Леонтьевым – мне есть что вспомнить...

Начал экспериментировать в сексе. Потом проникся религией, увлёкся духовной музыкой. Но в СССР богословные книги были запрещены, пришлось «заказать» церковь. Я ничего не брал, кроме манускриптов. Тем не менее, меня осудили на три года! Потом, при отсидке, добавили ещё четыре! Это был какой-то кошмар, но деваться было некуда, и я стал искать свою нишу в криминальном мире.

Мои способности позволили занять элитное положение: я стал гравёром. Что такое гравёр? Это человек, способный подделать любой документ. Такие в зоне – на вес золота.

«Я же верующий человек»

Резать печати оказалось легче, чем трупы. По словам Скопцова, он обслуживал литовские, московские, рязанские группировки.

– Выйдя на свободу, почти два года работал в магазине гравёром и параллельно на братву. Резал печати, рисовал удостоверения, паспорта, техпаспорта. Государство мне платило 120 рэ. Братва – несколько тысяч. Что делали с моими работами – не интересовало. Я знал, что я не воровал, не грабил, не убивал – я же верующий человек, а о гравёрах в Библии не написано. Правда-правда, конкретно о моей специальности там нет ни слова, так что заповедей я не нарушал.

Восстановился в академии. На заработанное купил у братвы «жигулёнок». И надо было тому случиться – машина оказалась в «крови», то есть её владельца убили. Меня объявили во всесоюзный розыск. Невзоров (я тогда жил в Ленинграде) в своих «Секундах» стал пугать мною народ. Пришлось взять шестёрку и встретиться с ним, объяснять, что меня подставили. Он меня понял, предложил работать на него: предоставлять информацию о братве. Но я отказался: узнают – убьют.

Из Ленинграда мне надо было выбираться, и я решил пойти в монахи. Купил у одного паспорт на имя Спиридонова и уехал в Рязанскую область в монастырь. Там активно занимались пчеловодством, но меня не взяли – мол, без специального образования. Пришлось поступить в рязанское СПТУ. Закончил его за несколько месяцев с красным дипломом, но просчитался. Чтобы работать в обители, оказывается, нужна хорошая репутация. На имя Спиридонова настоятель послал запрос в Ленинградскую патриархию...

Пришлось идти на покаяние. Отец Никон сказал, что я сбился с пути истинного, посоветовал пойти в милицию и во всём сознаться. Но тайну исповеди не нарушил.

Я, конечно, не пошёл, а поехал в Москву за человеком, который меня подставил. Братва нашла это фуфлю и пригово-

рила. Нет, я не убивал, но его голову лично в сортир бросил...

Рискнул обосноваться в столице. Женился на юной москвичке как Спиридонов, продолжая работать на различные группы: изготавливал печати, штампы. Правда, однажды чуть не попался.

Спасли балык и ананас

В декабре 93-го меня на краденой машине задержал Гагаринский пост ГАИ, что на Смоленщине. Я вёз дипломат липовых документов, 4-х и 12-ствольные автоматы, с электронной системой огня – вершину своего оружейного творчества и целый чемодан выпивки и закусок. На автоматы они внимания не обратили, а как увидели ананасы, балык, икру, да у меня ещё деньги кое-какие были... В общем, до утра чудили, взяли с меня расписку, что я днём приеду к следователю, и посадили в электричку... Судья сказал, что теперь моё оружие находится в музее МВД. Приятно.

Ну а тогда я радовался, что вырвался. Всё шло прекрасно, вот только тесть мне надоедал. Он – бывший работник Петровки, 38, что-то заподозрил. Пришлось жену с дочкой бросить и уехать.

Стал жить в Калужской области, в деревне, на пасеке. Но и там вскоре всё бросил: за попытку изнасилования 12-летней девочки меня опять объявили в розыск. А я и не насиловал: я её только раздел и связал...

Для дальнейшей жизни выбрал Орловщину.

Хороший край. Глухой

Для дальнейшей жизни выбрал Орловщину. Хороший край. Глухой. У братвы даже смотрящего нет, а значит, можно не отстёгивать в общак с доходов. Приехал в Урицкий район под именем Сергея Губарева. Купил дом. В соседях оказались люди от власти. А я – баянист, певец.

Его брали на развлечения. «Я был как бы шутком». Скопцов усмехается. Шут... С его-то самолюбием. Впрочем, кем не станешь ради выгоды – зато никому в голову не приходило проверить у него документы: а то, что они – липа, заметил бы даже непрофессионал.

Пока все «пело и плясало», аппетит у «шута» разгорелся не на шутку. Он задумал кражу автомобиля и во время очередной гулянки даже находит себе напарника – охранника базы отдыха «Лесная поляна». Договорились быстро.

Взяв пистолет и обрез, они отправились на поиск машины, которую можно было бы легко угнать. Их привлёк одиноко стоявший на поляне «Жигулёнок» с украинскими номерами. В салоне находились парень и девушка. То, что она – дочь заместителя начальника райотдела милиции, выяснится слишком поздно для того, чтобы оставить свидетелей живыми. Гравёр не мог позволить так элементарно себя раскрыть...

Следствие перероет в районе всё, опросит чуть не всех, но подозрение на «шута» даже не упадёт. Придумают иные версии. Об этом Скопцов будет узнавать от банщика, который окажется в курсе дел после каждой помойки милицейского начальства.

Знакомство с бандой с помощью газеты

– Однажды в «Моей рекламе» увидел объявление: «Требуется гравёр». Позвонил Сан Санычу – так звали работодателя. Оказалось, нужно изготовить печать. Моя квалификация его устроила: посыпались заказы. Я понял, что связался с группой мошенников, промышлявших кражей автомобилей.

Поначалу платили хорошо, потом – всё меньше и меньше, и в конце концов перестали платить вовсе. А тут ещё Сан

Саныч решил расширить сферу влияния и занялся дорожным рэкетом. Но ведь с ними мог погореть и я! И я понял, что мне опять надо делать «ноги». Но прежде надо было забрать заработанное и получить на группу компромат, чтобы в случае задержания милиции представить себя как борца с преступностью.

Для этого стал записывать их разговоры. На беду однажды Сан Саныч заметил вращающуюся в диктофоне кассету. Навели шмон, нашли другую видеокассету, на которой было зафиксировано изготовление оружия одним из членов банды...

В общем, меня приговорили в три минуты, решив, что я – стукач. Избили, сломали руку. Когда облили бензином, было уже не до «игр». Пришлось молить о пощаде и рассказать, кто я есть на самом деле. Назвал несколько имён, с которыми сидел и с которыми работал, сказал, что записи были нужны для создания детективного романа.

Не знаю, поверили ли, но убивать не стали. Посадили на цепь и заставили работать: бандиты готовились к переезду в Волгоград для какой-то финансовой аферы, и я должен обеспечить их документами. Сан Саныч стал «советником юстиции», а его банда – Ассоциацией помощи малоимущему населению «Поддержка»...

Издевались надо мной месяц, но я заставил их мне поверить. Меня освободили, когда я стал им не нужен. Но они не поняли, что мне они тоже не нужны.

И это выше приговора?

...Капельки пота одна за одной скатываются с аккуратного носа полуулыбающегося собеседника в тюремной робе. Воспоминания, похоже, не столько беспокоят, сколько умиротворяют. Последовавшая затем расправа – его психологическое оправдание и визитная карточка для окружающих: он необыкновенный преступник, он в одиночку уничтожил банду. И это – выше приговора.

– Уничтожить в одиночку банду, да еще с поломанной рукой легко только в кино. Поэтому я позвал на помощь банщика.

Чтобы все получилось наверняка, купил крысиный яд, подлил в него водку и пригласил забрать очередную партию «липы».

Сан Саныч вместе с двумя поделниками не замедлили явиться, выпили по 100 грамм и стали вдруг обсуждать, как лучше использовать мое жильё – под склад или под мастерскую. Яд почему-то не действовал, банщик не шёл, и я решил пойти ва-банк. Угрожая пистолетом и обрезом, заставил всех зайти в строительный вагончик. Растерявшийся Сан Саныч рассказал, где живет жена с деньгами банды. Теперь можно было их убить. И я стрелял, стрелял, пока не кончились патроны...

И опять газета навела...

Сан Саныч обманул меня. По указанному адресу в Брянске никто не проживал. Пришлось опять прибегнуть к помощи «Моей рекламы». В офисе редакции я нашёл нужный адрес.

Дверь открыла жена Сан Саныча. Она не поверила в то, что меня прислал её муж и побежала звонить в Орёл. Младшая же накрыла стол. Выпили, закусили.

Валерий Скопцов во время его работы учителем пения

– Люд, – говорю – отдай то, что мне причитается за работу.

Речь шла о 12 тысячах долларов.

– Ты что, с ума сошёл?

Не знаю, намеревался гравёр убивать, или только хотел поугадать, но уверенность женщины взбесила, особенно после того, как она под дулом пистолета вдруг повернулась, ударила и, выхватив собственный пистолет, ранила его в бок. Скопцов схватил кухонный нож...

Экспертиза насчитает 23 ножевые раны.

Другой женщине тоже не повезёт. Она столкнётся с гравёром в подъезде, когда тот будет убежать с места преступления. Он тоже убьёт её. А через некоторое время уже на окраине Брянска потеряет сознание.

Его найдут на болоте подростки. «Слава Богу, я с ними разделался!» – будет шептать в бреду незнакомец. Услышанное побудит ребят пойти... нет, к сожалению, не в милицию, а к своему приятелю, дважды судимому за подвальные кражи Шарипову. Тот оставит Скопцова у себя, постреляет из его пистолета. Встревоженные соседи вызовут милицию, но... Но та вновь упустит шанс задержать преступника, успокоившись «детским» рассказом о том, что соседи-де слышали не выстрелы, а звук лопнувших лампочек. И гравёр вновь останется на свободе.

Из убийцы – в учителя рисования

– Я испытывал тягу к преподавательской работе. В Урицком районе, после убийства дочери замначальника райотдела, оставаться было опасно, и я поехал в противоположную сторону, в Залегощенский район.

Переезд был тщательно подготовлен. Ещё до расправы над бандой Скопцов ограбил сельскую школу, чтобы завладеть личными делами и трудовыми книжками учителей. В результате летом 1996 года в Залегощенской средней школе появится «герой – борец с преступностью» учитель музыки Парфирьев.

– Зная, что даёт личное знакомство с районным начальством, я, можно сказать, подружился с замначальника РОВД по следствию, ухаживая за его дочерью и преподнося себя как возможного зятя. И сразу завоевал авторитет среди учителей. Директор всё удивлялся, как такого хорошего учителя не могли удержать на прежнем месте работы.

Это правда. Директору даже в голову не приходило, что новый «коллега» жёг на своём дачном участке в Андриабуже трупы и вычищал от крови своё жильё. Но это было полбеда. Беда заключалась в том, что ни новая фамилия, ни тяга к новому статусу, ни шанс на изменение жизни совершенно не изменили натуры гравера. Денег не хватало, и Скопцов, призвав в напарники Шарипова, по отработанному сценарию напал вновь на одиноко стоящий автомобиль. И вновь – мужчина и женщина. Она будет умолять Скопцова оставить ей жизнь – дома двое детей. Упоминание о детях доведёт его до бешенства: он вытащит свою жертву, встанет ей на спину и в упор пристрелит. Мужчина к тому времени был уже мёртв. Убитый окажется участковым инспектором. И вновь подозрения – мимо «хорошего» человека.

Опознали дети

Неизвестно, как бы дальше сложилась судьба

Валерий Скопцов после приговора

ба гравёра, но на него донёс напарник – Шарипов, испугался стать очередной жертвой Скопцова. Он помог брянским оперативникам составить фоторобот серийного убийцы, который начнут показывать по всем каналам ТВ Брянской и Орловской областей.

Когда школьники пришли в райотел и сказали, что портрет убийцы очень похож на их нового учителя, детей подняли на смех и посоветовали поменьше читать детективов. К счастью, ребята оказались настойчивыми и пришли во второй раз.

Чтобы развеять сомнения, директор позвонил в ту школу, в которой его нового работника «не оценили». Каково же было удивление педагога и милицейского начальства, когда оказалось, что нынешнего Парфирьева там и в глаза не видели...

Думая, что его полностью разоблачили, а может, устав бегать, лжеучитель поторопился объявить явку с повинной и рассказал о преступлениях. Ошалелая милиция только успевала всё записывать.

От сенсации отказалась

...Вопреки всему он переживал триумф: теперь все узнают, какой он, Скопцов, уникальный преступник – сам себе банда. Но этого было мало. Ему хотелось, чтобы его разоблачали, чтобы с ним работали настоящие Шерлоки Холмсы, с которыми можно было бы посоревноваться в интеллекте, потягаться в знаниях, чтобы окончательно или влюбить в себя или разочароваться в себе. Но такого шанса ему не дали – Шерлока Холмса под рукой не оказалось.

В основу обвинения легли только его признания, да и то не все. В беседе со мной гравёр сознался, что он приложил руку к убийству не девяти человек, а как минимум 15-ти.

– Но зачем обо всём говорить следствию? Думаю, ни к чему. Я и так слишком много им рассказал. А хотите вам расскажу? Даже скажу, где можно найти трупы.

Иконописные глаза загораются, а я вдруг поймала себя на том, что если сейчас скажу: «Да!», то тем самым подтвержу: герой. Не знаю, по нынешним временам надо было слушать, записывать – сенсация ж! Но... Отказалась.

На прощание Скопцов сказал, что ни о чём не жалеет.

– Я прожил интересную, прекрасную жизнь, о которой собираюсь написать книгу.

Потом спохватился.

– Нет, сожалею. Надо было убить ещё двоих – эту мразь Шарипова и своего брата.

...Свидание окончено. Жарко. Говорят, поведение Скопцова отличается от того, как вели себя другие смертники, ожидающие своей судьбы в орловском сизо – он очень уверен в себе.

И кто больше виноват?

Во время слушаний дела в облсуде судья Андрей Мальбин предпринял попытку установить ответственность правоохранительных органов, при попустительстве которых гравёр целых семь лет занимался криминальным «творчеством». Но из этого ничего не вышло. Руководство Гагаринского РОВД, что на Смоленщине, любителей балыка и ананасов так и не установило – «в связи с давностью события»; брянских блюстителей порядка, перепутавших лампочки с выстрелами и упрекнуть вроде как не в чем; руководство Урицкого РОВД практически полностью к тому времени сменилось – спрос чинить не с кого, а залогощеницы – вроде Скопцова – в героях: задержали особо опасного преступника. Вот только девять человек убиты. А может быть, пятнадцать. И в сизо на вопрос: не обижают ли его охранники – всё-таки милиционера убил, гравёр искренне засмеялся: «Что вы! Меня здесь настолько уважают, что даже по имени-отчеству зовут: Валерий Николаевич!»

...Гравёра приговорили к расстрелу. С конфискацией имущества. Охранник из «Лесной поляны» получил 8 лет общего режима с конфискацией. Шарипов суда не дождался – умер в сизо от туберкулёза.

Приговор Скопцов обжаловал в Верховном суде, несмотря на то что после оглашения написал письмо Андрею Мальбину и благодарил его за справедливое рассмотрение дела, ничего «лишнего» суд серийному убийце не вменил, хотя в деле фигурировало более ста эпизодов.

3 июня 1999 года указом президента Ельцина гравёр был помилован, смертную казнь заменили на пожизненное лишение свободы. Но прожил он недолго. Умер от сердечного приступа в 2004 году, успев, как говорят, написать книгу стихов.

Не знаю, оставил ли он свой след в литературе, но то, что он стал своеобразным маркером России 90-х, это точно. Оттого даже не хочется морализировать.

Елена ГОДЛЕВСКАЯ

Какая карточка важнее?

ПРОВОДИТЕ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ С ДЕТЬМИ

ВСЁ РАВНО?!

Ольга МИГУНОВА,
доктор медицинских и педагогических наук

КОСТЫЛИ ДЛЯ КУРЯЩЕЙ МАМЫ

Лена родила мальчика. Показала мужу и бабушке пухленького человечка через оконное стекло. Улыбалась. В записке написала, что счастлива безмерно.

А через несколько дней бабушка почувствовала тревогу, выписку оттягивали, врачи что-то бормотали о необходимости дополнительного обследования.

Лена попала на операционный стол. Ребёнок плакал, звал маму. А маму тем временем спасали врачи... Настойчивой бабушке путано объяснят: "Она у вас курила!! Возникли проблемы с кровеносными сосудами... Тромбофлебит... заражение крови... пришлось ампутировать ногу". Молодая мама долго не могла прийти в себя. Отказалась верить, что именно увлечение сигаретами привело к таким ужасным последствиям. Вместо полноценной радости от рождения мальчика Лена пережила шок, вернувшись домой на костылях. Ей потребовалась серьёзная помощь психологов, чтобы молодая мама обрела более-менее душевное спокойствие и полностью переключилась на заботу о малыше...

Ситуацию, взятую из реальной жизни, комментирует наш постоянный автор Ольга Петровна Мигунова:

Как-то в сквере Танкистов я увидела на скамейке девушек с сигаретами в руках. Одна из них была беременной, другая – с коляской. Я не удержалась, подошла, постаралась как можно мягче поговорить с девушками. Они слушали с широко раскрытыми глазами. А потом признались, что ничего подобного раньше не слышали.

Я никого не хочу пугать. Меня саму пугает безграмотность молодых людей, а также их родителей. Вот почему надо в очередной раз привести факты, которые умных заставят задуматься и опомниться. Пока не поздно.

Во-первых, 60 процентов детей, страдающих лёгочными заболеваниями, растут в семьях, где родители курят. У англичан я видела замечательный плакат с надписью: «Сколько

сигарет в день выкуривает ваш малыш?». И чуть ниже ответ: «Столько же, сколько и вы!».

Табак, как и алкоголь, особенно «злорадствует» именно в женском организме и это связано с целым рядом его биологических особенностей. От курения женщины страдают намного больше, чем мужчины. Это объясняется более нежной структурой организма, предназначенной природой для продолжения рода. Курящие женщины, как показали авторитетные исследования, быстро стареют, у них преждевременно наступает половое увядание. И я хочу подчеркнуть: женщины быстрее, чем мужчины, приобретают привычку к курению, но отучиться от этой опасной привычки им очень трудно.

Среди курящих бесплодие наступает вдвое чаще, чем среди некурящих. У беременных практически нет шанса родить здорового ребёнка. Рано или поздно это проявится. Потому что прежде всего страдает центральная нервная система плода, затем наносится удар по сердечно-сосудистой системе.

Табачные токсины уже через пять секунд (!) из организма матери поступают в плод, при этом избирательно накапливаются в мозге, сердце, почках и других органах.

Статистика свидетельствует, что мёртвые дети у курящих рождаются в четыре раза чаще, чем у некурящих. В крови у курящих нередко отмечают высокое содержание холестерина и других компонентов, приводящих к атеросклерозу.

Обо всём этом я рассказала своим случайным знакомым в сквере Танкистов. Не знаю, сумела ли я их убедить избавиться от вредной привычки. Прекрасно понимаю, что человек так устроен, мол, со мной это не произойдёт. Но ведь и мама Лена, видимо, считала так же. Однако горе не обошло её стороной. Себе жизнь испортила, да и ребёнка тоже.

Вот почему, я думаю, в каждой школе надо вывешивать английские плакаты, о которых я упоминала выше. Пусть хоть ежедневное напоминание о грозящей беде остановит руку девушки, тянущуюся к сигарете.

